

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

1 Августа.

№ 5

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРОФ. В. В. ЗЪНЬКОВСКИЙ. ЕДИНСТВО
РОССИИ.

АЛЕКСЪЙ ГЕМИЗОВЪ. ВСЕОБЩЕЕ ВОЗ-
СТАНІЕ.

ПРОФ. Е. СПЕКТОРСКИЙ. СВОБОДА, РА-
ВЕНСТВО И БРАТСТВО.

ИВАНЪ НОВИКОВЪ. ВЪ ЭТИ ДНИ.

А. ПОЙМИНОВЪ. АНГЛІЙСКАЯ РЕВОЛЮ-
ЦІЯ И ДИКТАТУРА КРОМВЕЛЯ.

В. ДОРОВАТОВСКАЯ. ПИСЬМО П. Я. ЧА-
АДАЕВУ.

ПР.-ДЦ. С. ЧАЛХУШЬЯНЪ. КЛАССОВЫЯ
ПРОТИВОРЪЧІЯ ВЪ РУССКОЙ РЕВО-
ЛЮЦІИ.

Н. М. ЮРДАНСКИЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЪ-
НІЕ.

Н. Н. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЪНІЕ.

Б. С. ХРОНИКА ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ ДѢЯ-
ТЕЛЬНОСТИ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПСКѢ НЕ МЕНЬЕ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходь съ пе-
реулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи.

Москва. Солянка, д. 1, кв. 88
Тел. 3-97-14.

Отдѣленіе конторы въ Петроградѣ:
Невскій, 100. «Посредникъ печати».

Цѣна 30 коп.

ЕДИНСТВО РОССИИ.

Старый режим завѣщалъ намъ, среди не многихъ цѣнностей, имъ выработанныхъ,—идею единства Россіи. Эта идея никогда не была идеей чисто внѣшняго единства, но всегда мыслилась съ внутреннимъ содержаниемъ; во всякомъ случаѣ, если судить объ этомъ не въ духѣ официального толкованія, а въ духѣ принятаго въ сознательныхъ элементахъ общества пониманія,—идея единства Россіи была идеей внутренняго, а не только внѣшняго единства. Нельзя, конечно, сказать, что внѣшнее единство мало цѣнилось, даже въ чистой душѣ поэта «безмѣрная ширь» Россіи, ея географическая внѣшняя мощь рождала не разъ подлинное вдохновеніе. Но не только общество,—даже правительство стремилось къ внутреннему объединенію народностей, только въ этомъ и заключался вѣдь смыслъ такъ наз. «руссификаціи». Въ этомъ направленіи правительство стараго режима шло, однако, почти всегда путемъ принудительныхъ внѣшнихъ мѣръ, разсчитывая главнымъ образомъ на то, что стѣсненіе культурной, экономической и общественной самостоятельности отдѣльныхъ народностей подрѣжетъ самыя корни обособленія и спаяетъ во едино народы Россіи? Всякій кучьтъ областного своеобразія въ сферѣ духовной или матеріальной культуры объявлялся симптомомъ сепаратизма и подавлялся всѣми возможными мѣрами. Самыя законныя, исторически совершенно неизбѣжныя движенія загонялись въ подполье и искусственно приобретали часто чуждый имъ политическій привкусъ... Такъ, въ своемъ ослѣпленіи, правительство подмывало фундаментъ зданія, имъ же воздвигаемаго. Незабываемое преступленіе передъ исторіей Россіи!

Вся внутренняя политика нашего правительства въ 19 вѣкѣ была тупымъ противодѣйствіемъ тому процессу внутренняго собиранія Россіи, который совершался въ нѣдрахъ политическаго организма. Если бы правительство стояло на чисто внѣшней точкѣ зрѣнія, если бы правительство не связывало себя съ официальной идеологіей, имѣвшей нѣкоторые, хотя и очень слабыя корни въ русскомъ обществѣ,—разрушительная работа правительства никогда бы не достигла тѣхъ результатовъ, которые въ полнотѣ обнаружилась уже въ наши дни. Тѣ могучія собирательныя силы, которыя внутри себя развило русское общество, постоянно парализовались работой правительства, которое, въ концѣ концовъ, добилось того, что быть «истинно-русскимъ» стало позоромъ, что великія историческія цѣнности, за которыя официально стояло правительство, были окончательно дискредитированы, что всякій патриотизмъ былъ взятъ подъ подозрѣніе. Все это является прямымъ плодомъ націоналистической политики правительства прежняго режима... И все же, несмотря на то, что охрана внѣшняго единства Россіи постоянно соединялась у правительства съ его официальной программой руссификаціи,—положительная работа общества была настолько могучей, что она дѣлала свое дѣло и въ то ужасное время. За 19-й вѣкъ ясно обозначился уже продуктъ этого внутренняго объединенія народностей Россіи, продуктъ огромной исторической силы и дѣйственности—русская культура. За 19-й вѣкъ она развернулась во всей полнотѣ богатаго духовнаго содержанія,—и въ эту сокровищницу несли

свои щедрыя и скромныя лепты всѣ народности Россіи. Только этому факту—русской культурѣ—мы единству и обязаны тѣмъ, что идея единства Россіи,—несмотря на кривое зеркало официальной идеологіи, которое настойчиво бросалось въ глаза своими искаженными отраженіями,—уцѣлѣла въ самыя мрачныя эпохи русской исторіи XIX вѣка.

Революція, сорвавшая всѣ маски и все обнажившая, показала, что политика правительства принесла довольно богатые плоды, что сепаратистскія стремленія созрѣли въ достаточной степени. Эти центробѣжныя стремленія заявляютъ о себѣ громко, даже болѣе громко, чѣмъ это соответствуетъ ихъ дѣйствительной силѣ,—но во всякомъ случаѣ они ставятъ передъ нами во всемъ объемѣ проблему единства Россіи. Периодъ внѣшняго, только внѣшняго единства кончается,—и новая Россія будетъ единой только въ томъ случаѣ, если она сумѣетъ сочетать національное своеобразие отдѣльныхъ народностей съ внутреннимъ единствомъ. Конечно, вопросъ этотъ вовсе не рѣшится въ Учредительномъ Собраніи и вообще лишь внѣшне сгязанъ съ вопросомъ о политическомъ строѣ новой Россіи. Какъ внѣшнее единство при старомъ режимѣ фактически подготовило центробѣжныя, сепаратистскія тенденціи, такъ новый строй, даже при системѣ послѣдовательнаго федерализма, можетъ явить намъ внутреннее единство Россіи болѣе мощнымъ и дѣйственнымъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ. Русская культура, во всемъ многообразіи духовныхъ силъ, ея созидующихъ,—вотъ единствѣнный серьезный факторъ объединенія Россіи, и судьба Россіи всецѣло уже отнынѣ связана съ проблемой русской культуры. До сихъ поръ русская культура создала намъ типъ наднаціональной интеллигенціи, любовно относящейся къ чужимъ національностямъ, не навязывающей своей національности, но въ проповѣди общечеловѣческой правды видящей свое національное призваніе. Эта идеологія обладала рѣдкой силой притяженія: она покоряла себѣ сердца, внутренне преодолевала всякій культурный «сепаратизмъ» и создавала дѣйствительную почву для объединенія всѣхъ народностей въ Россіи. Удержится ли эта идеологія и дальше? Не потеряетъ ли русская интеллигенція свой лучшей особенности или же въ законномъ ростѣ своего національнаго самоутвержденія она за чечевичную похлебку націонализма продастъ свое духовное первородство, силу и обаяніе своей внутренней правды?

На эти вопросы дать отвѣты только жизнь. Но идея единства Россіи не есть индивидуальная идея, а историческій завѣтъ прошлаго, дѣйственная идея прошлаго. Чтобы въ новыхъ условіяхъ внѣшняго освобожденія народностей, входящихъ въ составъ Россіи, сохранилось внутреннее единство Россіи, необходимо, чтобы русская культура по прежнему поддерживала неугасимый огонь передъ алтаремъ всечеловѣческой правды, во имя которой до сихъ поръ русская интеллигенція, несмотря на противодѣйствіе правительства, собирала Русь.

Проф. В. В. Зыньковский.

ВСЕОБЩЕЕ ВОЗСТАНИЕ.

ВРЕМЕННИКЪ.

«Люди начнутъ всяко убывати, а земля начнетъ пространнѣе быти, а людей будетъ менши, и тѣмъ достальнымъ людямъ будетъ на пространной земли жити негдѣ». Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ (XVI в.).

I.

Суспиця.

Василиса Петровна Старостина, кореня переяславскаго изъ деревни Черничиной, женщина степенная, сердцемъ неуходчивая: западетъ ей отъ слова ли, отъ встрѣчи ли, не отпустить, замаеть. Станетъ Василиса свое сердце разговаривать: себѣ скажетъ, тебѣ выскажетъ,—мало!—пойдетъ въ дворницкую.

Хозяинъ Василисинъ, Димитрій Евгеньевичъ — доброй души, не злопамятный, ученый человекъ и философъ: «членный билетъ» потерялъ. Рѣсчитывала Василиса по этому билету кое-какого запаса на зиму сдѣлать, было это прошлымъ лѣтомъ и запасовъ на Москвѣ было не мало, да съ пустыми руками кто тебѣ повѣритъ? И не можетъ Василиса забыть о билетѣ, еще бы: во всѣ дома всѣ сосѣди всякій себѣ тащатъ, кто сахару, кто крутъ, кто муки, кто чего, а у нея на полкахъ въ кухнѣ однѣ шкурки тараканьи,—вотъ и схватить, рѣдкій день не услышишь объ этомъ пропащемъ билетѣ.

— Сто человекъ не надо за одного ученаго! — честить Василиса хозяина своего, крася и хваля за доброту его, но билета она ему не можетъ простить,—членный билетъ потерялъ!

А живетъ Василиса на Собачьей площадкѣ во дворѣ въ большомъ каменномъ домѣ,—на томъ дворѣ конурка, въ конуркѣ Жучокъ собака, домъ стережетъ.

О билетѣ всякій день и рѣдкій день безъ войны.

О войнѣ, о ея тяготѣ напастной, о смущении, о той самой суспици, изъ-за этой войны, которая, какъ грѣхъ, ходитъ пошла среди людей, эти тревожныя мысли не оставляютъ думу Василисину и нѣтъ разговору противъ потревоженнаго ея сердца.

— Харчи ни до чего не доступны,—говоритъ Василиса,—если три года пройдетъ война, всѣ съ голоду пропадемъ. Чего будемъ ѣсть? А то: «Давайте терпѣть!» Терпѣть? Никому и не будетъ: ни здѣсь, ни тамъ. Народъ-то пошелъ: шея чуть не оторвется, лицо землей покрылось. Война заставила всѣхъ чернѣть. Который остался, не служить, много получаетъ, много и проживаетъ. Завидовать некому. И для чего это война? Людей бить? А послѣ войны будутъ бить другъ друга. Кто тутъ виноватъ? На кого же бросаться? И давай другъ на друга. Другъ друга душить будутъ.

Я сижу у окна лицомъ къ конуркѣ, рисую картинки. Когда въ первый разъ я вошелъ во дворъ, я забоялся Жучка, а Жучокъ залаялъ, меня забоялся. Теперь мы съ нимъ приятели, я Жучка рисую. Чуть проглянуло и опять дождя надуваетъ.

— Плохо, нехорошо стало,—говоритъ Василиса,— а кто много претерпѣлъ? Народъ. Богъ милосердный, да много прогнѣвали. Жалко народъ, ни за что такъ пропадетъ. Лучше ужъ совсѣмъ убить, а чтобы пу-

стить доживать: рыло сворочено, носъ вырванный! И для чего это война? Людей бить? Вотъ и ерманецъ! У насъ, сказываютъ, не пулями, опилками стрѣляютъ, а у него не то: снаряды хорошия, стеклами порягъ, газомъ душатъ. А намъ нельзя: мы православныя! Ему позволено душить. Такъ и воловъ не бьютъ. Земля разрывается: сверху бьютъ. Это не воевать, а бить. А простой народъ, за что онъ пропадетъ? Кто будетъ отвѣчать? Цари собрали народъ и давай душить. На смѣхъ ли? Отъ ума ли? Только прицѣпились къ жизни, выбрались изъ копчущекъ, а ихъ на войну. «На томъ свѣтѣ всѣ ангелами встануть!» — попы читаютъ.

Василиса вышла къ себѣ въ свою комнатенку, поправила лампадку: кюль у нея золотой съ золотымъ виноградомъ. Раскалилась, не можетъ стать: какую страду ей надо нести! Сына ея убили. Сына убили—забыть не легко.

— Скоро, знать, свѣту конецъ,—говоритъ Василиса,—скоро все перевернется. Жуликъ пошелъ, воръ на ворѣ, озариѣ стали. Убить человекъ ничего не стоитъ. Сердитые отъ горя: у кого убили, у кого уродъ. И такъ отступлены отъ Бога, а тутъ совсѣмъ пропадѣ. Для чего это война? Жизнь разсыпается, жить нехорошо стало. Не до Бога. Люди озлились, стали гордые, злые. Прежде придешь въ лавку: «Пожалуйте! Пожалуйте!» А теперь: «Пооди вонъ!»

Въ Кречетникахъ ударили ко всеночной. Дождикъ холодный, не ильинскій. Спрятался Жучокъ въ свою конурку. Зажечь лампу что ли?

— Ни мука, ни зола,—слышу голосъ изъ кухни: Василиса сама съ собою,—все это кара.

II.

Кровавый моръ.

Въ клопиной заставленной комнатенкѣ на Каменно-островскомъ подъ небесами—квартира изъ чердака приспособлена и вода по утрамъ не подымается—сидѣли мы распаренные за самоваромъ.

Марья Ивановна разливала чай, хозяинъ угощалъ, прапорщикъ Протопоповъ рассказывалъ: съ перваго дня мобилизации онъ призванъ, до войны служилъ въ банкѣ, и вотъ ужъ третій годъ въ тылу на самой спѣшной службѣ.

— Я такъ и рѣшилъ, нѣтъ больше никакихъ силъ, раздѣнусь до нога, выйду на Знаменскую площадь и пойду. Все равно.

Весь день вчера и сегодня дождь и теперь за окномъ сквозь дождь расплывшеся бѣлые фонари и скользящій шипъ по скользкому торцу неугомонныхъ автомобилей. Который день съ утра хожу я по «Новому Времени» ищу квартиру или комнату, мнѣ все равно ужъ, стою въ очереди, дожидаясь осмотра—и одно мнѣ горе: всякій разъ, когда до меня доходить очередь, квартиру занимаютъ, или хозяйка, узнавъ о моихъ занятіяхъ, отказываетъ, переходя къ моему счастливому сосѣду, а сегодня одна дама сказала мнѣ совсѣмъ откровенно, что мужъ ея писалъ въ газетахъ, она знаетъ, и ни за что не передастъ мнѣ квартиры, а квартира очень подходила. А то и такъ: купи мебель и квартира твоя, цѣна же не въ сотняхъ, а въ тысячахъ.

Хозяинъ, приютившій меня, высматривалъ квартиры и доносилъ въ какое-то военное учрежденіе

и квартиры реквизируют, такая его была должность, хозяин клялся, что он достанет мне квартиру, но я ему совсем не врился и только крутой и крепкий чай с сахаром и белым хлебом—Марья Ивана запасливая, меня успокоили, а то ей Богу, как прапорщик Протопопов.

— Я бы рад служить, да не могу, нет больше сил,—тянул свое прапорщик Протопопов,— раздвинусь я до нога, выйду с дежурства на Знаменскую площадь и пойду. Мне все равно.

Марья Ивановна летом ездила на богомолье, побывала в Верхотурье и привезла пророчество затворника Макария:

«Если в семнадцатом году народ не покается, через двенадцать лет Бог накажет, пошлет кровавый морь».

Но этот морь уж шел, третье лето косил беспощадно, и только ввѣра Марья Ивановна ждала его на двадцать девятый год. И прапорщик Протопопов ей доказывал, что в семнадцатом году, а семнадцатый год через три месяца, вся жизнь замрет, желѣзные дороги станут—все износилось, а поправлять некому и нечем!—и каяться будет поздно. Кровавый морь делал свое дело.

— Если опросить всех поголовно,—говорил хозяин,—у нас, и в Германии, и в Англии, и во Франци, чтобы сказали все по совести, кто воевать хочет и кто против, я уверен, мало кого нашлось бы.

— Я бы рад служить, да не могу, нет больше сил,—свою пѣсню пѣл прапорщик Протопопов, не видя конца бойни (морь все равно все погубит!), этой азартной, как карты, без конца войны,—раздвинусь я до нога, выйду с дежурства на Знаменскую площадь и пойду. Мне все равно.

III.

Звезда сердца.

После пасмурных дней, осенних, закрывших крылатое Бештау и дымящийся отравленный Машук, после тоскливых дней туманных, сровнявших с дикой неоглядной степью белоснежный кряж с далеким крайним Эльбрусом, среди ночи я увидел лермонтовские звезды.

Слов я не помню, кому и о чем, я не помню, и какой молитвой молился, я видел звезды и так близко до боли и так кровно, как свое, всегда со мною, затаенное и скрытое, звезду мою, и память, широкую, как звезды, от звезды к звезде и по звездам сквозь туманы путь —

«сквозь тумань кремнистый путь —»

После ночи я поднялся рано. Белый белоснежный кряж с Эльбрусом ясный леденит утро. Бештау, весь как черный, распахнув летучия крылья, смотрѣл затаенно в своей демонской первородной тоске. И только отравленный Машук дымился.

Это было в Грузинскую и я вспомнил наш храмовой московский праздник, садовника Егора, как на всю ночь принес Егор из найденновской оранжереи гирлянду из астр георгинов и пунцовых и белых флоксов и положил на аналой к Божьей Матери. За всю ночь цветы помяты, но цветную их свежесть—последние цветы,—да еще запах душистого масла, которым батюшка мазал,

когда прикладывались, и запах воска от свѣчей. Я так это почувствовал и почувал, и уж не видел ни демонского Бештау, ни блага Эльбруса, я стоял там в бедной любимой нашей церкви на Воронцовом полѣ у аналая, где лежала гирлянда.

И вдруг слышу—где-то внизу у дороги, слов не разбираю, бродячая пѣвица. А потом догадался: новая уличная пѣсня—«прапорщик».—И это был такой голос, как гирлянда там на аналой из астр, георгинов, из пунцовых и белых флоксов—последних цветов.

И я понял под уличную пѣсню, всем моим сердцем почувствовал в эту минуту не ту злую войну, которую видел и чувствовал по искаженным и увѣчным одноногим, одноруким, безруким и безногим, не ту проклятую, посланную на горе с тяготой нашей безкормной, голодом, холодом, нуждой и горем неизбывным—сына убили, забыть не легко!—не распоротые свипцом и желѣзом животы, не развороченное мясо, не слѣпую безразличную пулю—будь ты деревом, камнем, лошады, стѣною или человеком, ей все равно без пощады,—не кровавые и гнойные бинты, не свалку нечистоты, не вошь и вонь, не бойню,—так и волвь не бьет!—нет, совсем другое, другое небо, землю другую, никакую бойню, а поединок за звезду своего сердца—за родину с ея полями, с ея лесом, с говорливой рѣчкой, старым домом, мирною заботой, церковью и древним собором, с колоколами, с распѣвом, с красной Пасхой, с пѣсней, со словом.

И мне так же захотѣлось, и будь крылья, полетѣл бы на то поле, где умирают вольно за звезду своего сердца, и умереть за мою Россію, за колыбель нашу, за русскую землю.

Алексей Ремизов.

СВОБОДА, РАВЕНСТВО И БРАТСТВО.

Великая французская революция провозгласила три политических принципа: свободу, равенство и братство. Принципы эти официально усвоены нынешней французской республикой; и посему соответственная надпись красуется на всех ее публичных зданиях, не исключая даже тюрем и полицейских префектур. Эти же принципы провозглашались и при позднейших революциях. Провозглашаются они и у нас теперь. Каков же их политический смысл и каково их реальное значение?

1.

Говоря о свободе, необходимо различать естественную, или стихийную свободу и правовую. Естественная свобода возможна только при полном отсутствии какой бы то ни было власти, обладающей авторитетом и силою. Состоит она в том, что каждый может делать все, что ни заблагоразсудится. Многим может показаться, что это и есть самая настоящая свобода, лучше которой ничего и не может быть. Однако, если каждый имеет полную возможность делать все, что угодно, то единственно мѣрою свободы каждого окажется его сила. Сколько у кого свободы, столько и силы, столько же права. Значит, кто сильнее, тот и свободнее. И нет никаких препятствий для насилий одних людей над другими. Благодаря этому, когда в стране водворяется только

такая, стихийная свобода, то праздник продолжается недолго. Радость болѣе или менѣе скоро, но неизбѣжно переходитъ въ горе, ибо получается или анархическая междоусобица, когда человѣкъ человѣку волкъ, или грубое царство силы и насилія, гдѣ свободны не всѣ, а только худшіе. У древнихъ римлянъ раскрѣпощенные рабы не сразу становились свободными гражданами. Нѣкоторое время они занимали переходное положеніе вольноотпущенныхъ (*libertini*). И вотъ такое непривычное состояніе перехода отъ вчерашняго рабства къ завтрашней свободѣ переживалось многими либертинами столь буйно, что «либертинажъ» сдѣлался даже нарицательнымъ именемъ для всякой распущенности. Происходящій во время революціи быстрый переходъ отъ подданства къ гражданству рѣдко обходится безъ проявленій политическаго и общественнаго либертинажа. И это не удивительно. Вѣдь въ самодержавныхъ государствахъ за носителями власти признается право на стихийную, ничѣмъ не сдержанную свободу, когда и воля и даже произволъ самодержцевъ возводится на степень государственнаго авторитета. И вотъ, когда самодержавія уже нѣтъ, всѣмъ хочется тоже стать хоть на время самодержцами.

Правомѣрная свобода—это возможность дѣлать только то, что не воспрещено государственными законами. Она уже свободы естественной. Зато ея благами могутъ пользоваться всѣ граждане: и сильные, и слабые. Она можетъ быть раздѣлена на гражданскую и политическую. Гражданская свобода—это право частныхъ лицъ устраивать свои частныя дѣла (семейныя и имущественныя) въ согласіи съ гражданскими законами. Такая свобода возможна также и при самодержавномъ строѣ. Зато политическая свобода возможна уже только при конституціонномъ строѣ. Она состоитъ въ томъ, что населеніе изъ подданныхъ превращается въ гражданъ и получаетъ публичныя права, т.-е. возможность участвовать въ общественной и политической жизни. Политическую свободу можно подраздѣлить на отрицательную и положительную. Отрицательная состоитъ въ освобожденіи общественной жизни отъ государственнаго вмѣшательства; это, такъ сказать, свобода, отъ государства. Положительная состоитъ въ правѣ гражданъ дѣятельно участвовать въ государственной жизни, вліяя на составъ властей и ихъ работу.

Отрицательная политическая свобода осуществляется въ такъ называемомъ явочномъ порядкѣ, который противопоставляется порядку концессионному. Концессионный порядокъ основанъ на томъ, что все то, что специально не разрѣшено подданнымъ, вообще воспрещается имъ. Сообразно съ этимъ принципіально воспрещаются всякія проявленія общественности. Но въ видѣ исключенія въ отдѣльныхъ случаяхъ они допускаются, при чемъ рѣшеніе предоставляется администраціи, руководящейся не закономъ, а соображеніями полицейской цѣлесообразности. Словомъ, общественная свобода здѣсь только терпится, какъ изысканіе, уступка, концессія. Отсюда и названіе концессионной, или патентной системы.

Явочный порядокъ означаетъ вовсе не то, что думаетъ публика, смѣшивающая его съ безпорядкомъ захвата. Онъ состоитъ въ томъ, что всякое проявленіе общественности, не воспрещенное специально законами, разрѣшается при условіи заявленія подлежащимъ властямъ и выполнения ограничительныхъ требованій закона (въ родѣ воспрещенія собраній лицъ

вооруженныхъ или на рельсовыхъ путяхъ или, въ нѣкоторыхъ странахъ, подъ открытымъ небомъ).

Отрицательную политическую свободу можно подраздѣлить на права индивидуальныя и коллективныя. Индивидуальныя состоятъ въ свободѣ физической и моральной. Физическая свобода—это неприкосновенность личности, неприкосновенность жилищъ, согласно старинному англійскому принципу «мой домъ, мой замокъ», свобода передвиженія. Моральная свобода—это свобода слова устнаго, или публичныхъ рѣчей, слова письменнаго, или частной переписки, слова печатнаго и свобода публичнаго исповѣданія вѣры. въ иныхъ странахъ даже и невѣрія. Коллективная свобода состоитъ въ правѣ собраній и союзовъ съ цѣлями религиозными, національными, профессиональными и политическими.

Положительная политическая свобода состоитъ главнымъ образомъ въ избирательномъ правѣ, въ правѣ выбирать органы какъ мѣстнаго самоуправления, такъ и центральнаго представительства. Въ нѣкоторыхъ странахъ сюда относится еще т. н. народная инициатива, т.-е. право требовать внесенія въ палаты народныхъ представителей того или иного законопроекта, и право референдума, т.-е. всенароднаго голосованія законопроектовъ.

2.

Политическое равенство состоитъ въ томъ, что публичныя права всѣхъ гражданъ одинаковы: каждому предоставляется свобода личности, слова и т. п.; у cadaго всего одинъ избирательный голосъ. Такое искусственное уравненіе всѣхъ гражданъ конечно не уничтожаетъ естественнаго неравенства способностей, предприимчивости и т. п. качествъ, а также накопленнаго и приобретаемаго неравенства имущества. И такъ какъ въ равныхъ условіяхъ политическаго существованія граждане не одинаково пользуются свободой какъ гражданской, такъ и политической, то и при равенствѣ не исчезаютъ ни социальныя различія, ни социальная борьба. Но и различія устанавливаются и борьба происходитъ уже въ рамкахъ демократическаго строя: это борьба свободныхъ лицъ и группъ, борьба капитала и труда, а не знати и чернаго народа.

Политическое равенство создаетъ демократію, которой обыкновенно противопоставляется аристократія. Населеніе аристократическихъ странъ дѣлится на привилегированное меньшинство и прочій народъ. Меньшинство уже въ силу своего происхожденія надѣлено всякаго рода преимуществами. Оно преимущественно пользуется культурными и матеріальными благами. Благодаря этому оно облагораживается, получаетъ вкусъ ко всему красивому и тонкому. И это еще болѣе углубляетъ пропасть, отдѣляющую его отъ народныхъ массъ, стоящихъ внѣ политики, общественности и культуры, а посему коснѣющихъ въ невѣжествѣ и безучастныхъ ко всему высокому.

Въ демократическомъ обществѣ привилегіи исчезаютъ. «Кухаркины дѣти» получаютъ такую же возможность учиться, какъ и барчуки. Дворяншии становится гражданиномъ и вмѣстѣ съ простонародьемъ составляетъ политическій народъ. Мѣста въ законодательныхъ палатахъ, даже верхнихъ, получаютъ уже не въ силу рожденія, обезпечивающаго кресло лорда или пѣра ребенку въ пеленкахъ, а въ силу спе-

собностей, признанных избраніемъ большинства. Въмѣстѣ съ тѣмъ и книги пишутся, и театры даютъ представленія, и музыка сочиняется и исполняется не для избранныхъ, а для всѣхъ.

И вотъ наша государственность и общественность подвергаются все большей и большей демократизации. Уже почти сто лѣтъ тому назадъ французскій писатель Токвиль усмотрѣлъ въ ней нѣчто непреодолимое никакими человѣческими силами и входящее въ неисповѣдимые пути Провидѣнія. Когда этотъ процессъ только начинается, когда широкія народныя массы впервые встрѣчаются съ непривычными для нихъ задачами отвѣтственнаго государственнаго строительства или изысканными плодами просвѣщенія, то онѣ на первыхъ порахъ обнаруживаютъ вполне естественную неподготовленность. Это даже вызываетъ у многихъ тревогу за судьбу культуры и цивилизации, которымъ угрожаетъ варварство «грядущаго хама», какъ выражался Мережковскій; даже Герценъ раздѣлялъ эти опасенія. На первыхъ порахъ дѣйствительно прогрессъ культуры какъ бы задерживается, и уровень ея понижается, что имѣетъ свое естественное объясненіе и приноситъ свою долю пользы: теряя въ высотѣ, она зато выигрываетъ въ широтѣ, приобщая и малыхъ сихъ къ тѣмъ благамъ, которыя уже приобрѣтены. Но затѣмъ, съ дальнѣйшимъ ходомъ демократизации, массы уже облагораживаются, ибо получаютъ недостававшее имъ прежде политическое, научное и художественное образованіе. И тогда общій уровень культуры можетъ даже значительно повыситься. Вѣдь тогда ее создаетъ уже не узкій кругъ привилегированныхъ лицъ, у которыхъ можетъ появиться усталость, равнодушіе, даже вырожденіе, а весь народъ, и дремлющая въ немъ сила, которая при аристократическомъ строѣ не находила себѣ выхода и часто погибала, не успѣвъ расцвѣсти, теперь получаютъ возможность проявить себя во всемъ блескѣ. Культура уподобляется легендарному Антею, который въ борьбѣ съ врагами получалъ приливъ новыхъ силъ всякій разъ, когда прикасался къ матери-землѣ.

Такимъ образомъ политическое равенство приводитъ къ политической демократіи. Но оно не приводитъ къ экономическому равенству. И дѣйствительно мы видимъ, что экономическое неравенство продолжаетъ существовать во всѣхъ передовыхъ демократіяхъ—въ Америкѣ, Франціи, Швейцаріи. Недовольные этимъ социалисты называютъ эти демократіи «буржуазными» и мечтаютъ о такой, уже не политической, а социальной демократіи, гдѣ, какъ они надѣются, исчезнетъ и экономическое неравенство благодаря принудительной организациі производства и потребленія хозяйственныхъ благъ, что, какъ они надѣются, въ силахъ осуществить диктатура пролетаріата.

3.

Остается политическое братство. Осуществляется ли оно въ дѣйствительности или же это только мечта, восклицательный знакъ, который при обостреніи общественной и политической борьбы звучитъ почти какъ насмѣшка и издѣвательство?

Легенды о происхожденіи государствъ говорятъ не столько о братствѣ, сколько о братоубійствѣ. Каинъ, «строитель городовъ», убиваетъ Авеля, Ромуль—Рема. «Тяжки войны между братьями», увѣрялъ Аристотель, выводившій государство изъ разросшейся семьи. Опытъ братства, и притомъ всемірнаго, былъ

сдѣланъ христіанствомъ. Оно провозгласило всѣхъ людей, независимо отъ ихъ эллинства или іудейства, единымъ родомъ человѣческимъ, братьями по происхожденію отъ ветхаго Адама, и еще братьями во Христѣ. Но христіанской государственности на суждено было осуществить ни братства, ни даже на землѣ мира и въ человѣцѣхъ благоволенія. Человѣчество раздѣлилось на чуждыя другъ другу и даже враждебныя государства. И внутри каждаго изъ нихъ оказались не братья, а сначала сеньеры, вассалы, горожане, крѣпостные, затѣмъ подданные, ведше сословную борьбу другъ съ другомъ, и наконецъ, граждане, поведше борьбу классовую. И вотъ французская революція, создавъ гражданъ, попыталась превратить ихъ еще и въ братьевъ. Потребность въ братствѣ вполне естественно вызывалась сознаніемъ недостаточности лишь свободы и равенства, ибо общество только свободныхъ и формально равныхъ индивидовъ лишено всякой духовной связи и ничѣмъ не удерживается отъ беспощадной, хотя и не незаконной борьбы за существованіе и личное благополучіе. Однако принципъ братства былъ только провозглашенъ, но отнюдь не осуществленъ революціею. Не осуществленъ онъ и донинѣ. И граждане самыхъ передовыхъ государствъ такъ же мало являются братьями другъ другу, какъ не являются они и тѣми товарищами: Genossen нѣмецкихъ социаль-демократовъ, какими хотѣли бы ихъ сдѣлать социалисты. Многие предлагаютъ на первыхъ порахъ ограничиться не братствомъ, а солидарностью, взаимностью или «междузависимостью», иными словами, принципиальнымъ признаніемъ и законодательнымъ закрѣпленіемъ той круговой поруки, которая фактически существуетъ между людьми, живущими въ условіяхъ нашей культуры со сложнымъ раздѣленіемъ труда и неизбѣжнымъ сотрудничествомъ не только для самихъ себя, но и для общаго цѣлаго, являющагося даже какъ бы живымъ организмомъ. Но и это все—«музыка будущаго» такъ же, какъ и международное братство, котораго не устанавливаютъ ни взаимное родство монарховъ, ни братаніе народовъ. Братаніе не есть братство. И совсѣмъ недавно мы слишкомъ хорошо убѣдились, что оно не устраняетъ тяжкихъ между братьями войнъ. Такимъ образомъ братство все еще остается не болѣе какъ традиціонною иллюзіею революціи.

Е. Спекторскій.

„ВЪ ЭТИ ДНИ“.

ПЕРВОЕ МАРТА.

Все издалека предвѣщало,
Что часъ свершится роковой,
Что выпадетъ такая карта...
И этотъ вѣка часъ дневной
Послѣдній—названъ первымъ марта.

Строки эти изъ новой, недавно лишь появившейся (и замѣчательной), поэмы А. Блока «Возмездіе» вспоминались мнѣ не разъ на улицахъ Москвы перваго марта, въ день годовщины того далекаго уже теперь событія, когда

..... грянулъ взрывъ
Съ Екатеринина канала,
Россію облакомъ покрывъ...

Съ раннего утра висѣли, говорятъ, объявленія Мрозовскаго объ осадномъ положеніи въ Москвѣ, но когда мы вышли на улицу въ морозное позднее утро, ни одного изъ нихъ не удалось увидать. Необычайное оживленіе царило повсюду и возростало, по мѣрѣ приближенія къ центру.

И опять характерно выразительны были лица встрѣчавшихся людей, самая походка ихъ, неуловимая какая-то особенность даже въ костюмахъ, быть можетъ слишкомъ поспѣшно надѣтыхъ, легче сидящихъ; также свободнѣй и легче были движенія, жесты, независимѣй взоръ, иначе блеснули очки на типичномъ лицѣ обитателя Пречистенки — Сивцева Вражка, мелькнувшія мимо; веселѣе играли снѣжинки на рукавахъ и на складкахъ пальто; все матеріальное стало вдругъ невѣсомѣ: и тѣло людей, и самыя зданія, городъ,—точно и онъ подчинился новому ритму общей настроенности...

Спрашивать встрѣчныхъ не было надобности, достаточно было итти и дышать этимъ воздухомъ: я утверждаю категорически, что былъ онъ вовсе иной въ этотъ день, чѣмъ еще наканунѣ и какимъ онъ сталъ, къ нашей горечи, и позже—въ ближайшіе, уже и тогда недалекіе дни.

Пречистенка все же хранила еще нѣсколько сдержанный видъ, хотя многіе шли прямо по улицѣ, но уже у Храма Спасителя кучками чернѣлся народъ, кое у кого первыя ленточки краснѣли въ петлицахъ. Трамвай не ходилъ и почему-то «снимали» съ извозчиковъ, къ обоюдному неудовольствію—и сѣдока, и возницы. Впрочемъ, дѣлалось это достаточно незлобиво и общее отношеніе къ этимъ заставамъ было какъ къ безобидному, правда, нѣсколько глупому, но все же лишь пустяку... Черезъ часъ, можетъ быть, уже ни одного извозчика не было видно.

Въ общемъ, однако же, здѣсь Москва хранила обычный видъ, немного лишь развѣ приподнятый видъ. Усердно шла чистка обильнаго снѣга (усерднѣй обычнаго), возчики дровъ почему-то работали также въ повышенномъ темпѣ; на тихомъ бульварѣ, ведущемъ къ Арбату, дѣти, какъ и всегда, копошились съ лопаточками, щеки ихъ были красны, глазенки блестящи: это было то поколѣніе, которое въ школахъ будетъ учить по сей часъ еще ненаписаннымъ книжкамъ исторію этого года.

Неподалеку отъ Гоголя встрѣтили мы знакомаго журналиста Я*, онъ сообщилъ послѣднія новости, впрочемъ, были онѣ, какъ оказалось потомъ, уже повсюду расклеены... Боже мой, какъ относительно понятие: молодость! Какіе волшебные скрыты во всѣхъ насъ запасы чудеснаго этого состоянія, хотѣлось бы даже сказать—вещества (такъ конкретно оно ошутимо!),—волшебнаго этого камня алхимиковъ!.. Только искать его не во вѣ, и не камня, а въ нѣдрахъ души, гдѣ скрыты истоки первичной и міровой жизненной силы, влаги—живой воды нашихъ сказокъ...

Мой давній одинъ провинціальный знакомецъ, земскій работникъ, какъ-то мнѣ говорилъ въ тяжелые дни отступленія 1915 г., «Не тѣ потери, что на войнѣ, а тѣ, что въ каждомъ изъ насъ. Читайте, что всякій теперь, изъ тѣхъ, что въ тылу, на одну десятую мертвъ (и это еще очень скромная доля), и раздѣлите на десять число всѣхъ живущихъ въ Россіи,—вотъ вамъ наши потери: 18 миллионъ труповъ». Слушалъ я это тогда и не возражалъ. Но мертвецы воскресаютъ, но въ минуты подъема эта «десятая» часть въ каждомъ

изъ насъ возвращается къ жизни; а вотъ—какъ теперь!—даже и съ лихвой... Ибо мы и всегда-то, въ обычное время, не были полностью живы.

На Воздвиженкѣ, у входа въ Экономическое Офицерское общество, на стѣнѣ былъ приклеенъ печатный плакатъ, воспроизводившій первыя петроградскія вѣсти и первыя революционные документы. Живою стѣною толпились вокругъ него люди разнаго типа и возраста; читались въ разбивку, каждый самъ по себѣ, иные были неграмотны.

— Читайте, товарищъ, всѣмъ вслухъ,—попросили изъ заднихъ рядовъ, и мнѣ пришлось громко начать съ первой строки уже и то, что глазами успѣлъ пробѣжать про себя.

И всѣ, кто читали вразбродъ рядомъ со мной, также оставили чтеніе и начали слушать сначала; каждое слово было значительно, жадно впиталось; и въ томъ, что они, эти слова, стали доступны не только глазамъ, но еще и произносились—громко, публично, было какое-то новое, такое желанное въ нихъ утвержденіе; отдѣльныя фразы, ставшія звукомъ, дѣлались какъ-то внушительнѣй, и то, о чемъ онѣ возглашали,—реальнѣе, ближе къ факту и дѣйствию. Въ меньшей степени чувствовалъ это и чтець, точно въ чемъ-то являясь и самъ соучастникомъ...

Дальше пошелъ я одинъ на Тверскую. Тамъ толпы народа стояли на тротуарахъ, заливали порою всю улицу. Снизу, отъ думы, то и дѣло, смѣняя другъ друга, появлялись вѣстники съ короткими новостями, слѣпо отпечатанными машинкой на маленькихъ лоскуткахъ бумаги. Читали и двигались дальше, оставляя послѣ себя маленькій смерчъ: кто стходилъ, а другіе, спѣша, подбѣгали, узнать. Иные изъ вѣстниковъ этихъ были на лошадяхъ—военные и штатскіе; послѣдніе часто также съ оружіемъ.

Время отъ времени шли небольшія части пѣхоты или группы всадниковъ, у всѣхъ уже были красныя банты; изрѣдка впереди такой части несли уже цѣлое красное знамя, простецкое, безъ надписей еще и оттого особенно вольное; веселою тряпочкой болталось оно и также веселы были и выглядѣли помолодѣвшими подъ нимъ солдатскія лица. Было, впрочемъ, ихъ выраженіе болѣе пестрымъ, и пестрота эта, сложность порой сочетались и на одномъ и томъ же лицѣ: приподнятость и улыбка (наивно-открытая и, въ то же время,—«знай нашихъ!»), даже задоръ и, вмѣстѣ, легкій набѣгъ недоумѣнія, какого-то удивленія и самому себѣ, и всему, что вокругъ. Неизмѣнные крики «ура!» сопровождали идущихъ.

Но особый восторгъ вызывали грузовики, глухо и громко, побѣдно сотрясавшіеся по мостовой. Ихъ было сначала немного, потомъ появлялись они все чаще и чаще, а порой продвигались и цѣлыми группами.

Неуклюжія эти платформы были плотно набиты людьми, плечомъ къ плечу—солдаты, рабочіе, изрѣдка барышни, студенты, вольная шляпа. Но на каждой сидѣлъ, неизмѣнно сбоку, солдатъ съ обнаженною шашкой—нѣсколько наискось, и самъ, какъ бы отъ движенія, подавшійся набокъ. И въ эти фигуры сидѣвшихъ съ отведенной въ сторону шашкой невольно вливалась динамика всей грохочущей массы; было и вдохновеніе въ нихъ, въ этихъ также немного свороченныхъ лицахъ,—о, далеко не пестрота уже, а напряженная слитность, нѣсколько даже и грѣзная...

Въ кафе «Бомъ», въ положенный часъ, нашель

я нѣсколькихъ писателей; столъ ихъ въ углу былъ оживлененъ.

— Да, какъ гражданинъ—я въ восторгѣ, и радость моя—съ открытой душой! Но какъ писатель... художникъ, скажите: и всѣ мы—не должны ли мы объ искусствѣ и поскорбѣть? Какъ мы живемъ и работаемъ, вы подумайте только: я былъ еще первоклассникомъ и помню убійство Александра II, и дальше вся жизнь этимъ наполнена,—телѣга какая-то по колчамъ и по ухабамъ. А для работы хотѣлось бы тишины и простора, чтобы было гдѣ зрѣть и наливать плоду...

Писатель былъ старше всѣхъ насъ, и большинство горячо возражало.

Споръ, какъ и всегда, былъ безпорядоченъ, но эта минорная нотка, въ общемъ, была одинока: о, жизнь, и сама—великое творчество, и красота моноплана на фонѣ вечерняго облака можетъ поспорить со всякой другой!.. Не безъ задора, попутно, похоронили нашихъ типичныхъ «гражданственниковъ», изъ тѣхъ, у кого не въ художество претворенныя, а голыя и безлиственные торчали въ разсказахъ идеи и чей весь активъ былъ въ гражданскихъ заслугахъ: свое отслужили...

Подробнѣй на этомъ оживленнѣйшемъ спорѣ не остановлюсь. Сама по себѣ огромная тема о соотношеніи искусства, культуры и революции не разъ поднималась еще и обсуждалась въ тѣсномъ кругу собратій, можетъ быть, этому слѣдовало бы посвятить самостоятельный очеркъ. Сейчасъ же отмѣтилъ я это только какъ знакъ, какъ все забродило вокругъ, сдвинулось съ мѣста и въ великое пришло движение...

Побывавъ еще не Кузнецкомъ, гдѣ было у меня личное дѣло, вздумалъ я заглянуть въ Художественный театръ: на сегодня были билеты—«Вишневый садъ». Но по Камергерскому сразу добраться не удалось: пропускъ былъ прекращенъ. Изъ разговоровъ стоявшихъ я понялъ, что въ домѣ, рядомъ съ театромъ, скрывалась «засада», какая-то группа солдатъ (или жандармовъ, или городовыхъ—разно, ихъ называли) не хотѣла сдаваться, нужно ихъ брать.

И дѣйствительно, минутъ черезъ десять со стороны Тверской подошелъ отрядъ, во главѣ съ двумя офицерами. Солдаты разсыпались цѣпью противъ мятежнаго дома. Я слышалъ команду—готовиться, винтовки были взяты на прицѣлъ. Но одинъ изъ офицеровъ и небольшая группа солдатъ съ нимъ вошли въ подъездъ для переговоровъ.

Кучки зрителей съ обѣихъ сторонъ запретнаго мѣста замѣтно теперь порѣдѣли... Но очень скоро развѣдчики (или парламентары) вышли назадъ и увели съ собою и весь небольшой отрядъ. Сдѣлалось ясно, что было простое недоразумѣніе, какихъ въ этотъ день по всей Москвѣ было немало...

На мой въ театрѣ вопросъ: «будетъ ли нынче спектакль?» мнѣ дали отвѣтъ утвердительный.

— А какъ же осадное положеніе?

— Мы стараго правительства не признаемъ—храбро отвѣтили мнѣ служителя.

Однако, подъ вечеръ, когда на всякій случай, плохо вѣря въ спектакль (до нихъ ли теперь!..), мы все же вышли въ театръ, на улицахъ явная тихонько плыла волна «по домамъ». Правда, что это былъ далеко не «боеой» обыватель, но онъ усердно тянулъ домой «до восьми»—до запретнаго часа, конфузясь, очень смѣшно стараясь явить свой независимый видъ.

Было не людно и на Тверской, на Моховой, на Волхонкѣ, гдѣ мы, побродивъ, возвращались домой. Только шныряли повсюду автомобили, какъ челноки, снуя свою новую пряжу, да кое-гдѣ тихимъ дозоромъ шагали, новые тоже, вѣрные народу патрули.

Кончился день. Каковы же итоги? Было отчетливо ясно, что старое—кончено. На завтра узнаетъ Москва объ отреченіи, но это начнется уже полоса одна за другою бѣгущихъ сенсаций, а скоро—съ непостижимою быстротой—изъ этого «внѣ» бѣніе жизни мучительно будетъ и слушаться, и ощущаться уже въ самыхъ нѣдрахъ, внутри, въ освобожденной душѣ родимой страны, покрытой, воистину, облакомъ народнаго взрыва.

Но и теперь было уже непререкаемо, что всѣ мы переступили порогъ новой истории, и оттого такъ всю душой я понялъ и принялъ послѣднія эти слова, которыми кончился день перваго марта:

— Если бы я была Богомъ, я воскресила бы хоть на четверть часа всѣхъ тѣхъ, кто былъ убитъ, кто страдалъ—за свободу. Они должны это увидѣть.

Иванъ Новиковъ.

17 поля 1917 г.

АНГЛІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ДИКТАТУРА КРОМВЕЛЯ.

Изучая революции съ сравнительно-исторической точки зрѣнія, приходится встрѣчаться съ обычно имъ сопутствующимъ явленіемъ, словно находящимся съ ними въ опредѣленномъ сродствѣ,—съ диктатурой. Диктатура не вызывается тѣми же историческими причинами, что и революции, но она есть послѣдствіе того обычнаго состоянія, въ которое приходитъ общество подъ вліяніемъ революціоннаго потрясенія.

Революции бываютъ разнаго типа. Бываютъ лишь видимыя революции, когда происходитъ потрясеніе политическаго и государственнаго организма не подъ вліяніемъ внутреннихъ социальныхъ причинъ, а случайно, благодаря, на примѣръ, или прекращенію династии, или поражению на войнѣ, или солдатскому бунту. Таково было Смутное время на Руси въ началѣ XVII вѣка, таковы многочисленныя преторіанскіе перевороты эпохи Римской имперіи, таковы частыя пронунциаменто въ Средней и Южной Америкѣ. Бываютъ подлинныя революции, вызванныя глубокимъ измѣненіемъ соотношенія внутреннихъ социальныхъ силъ. Онѣ не только измѣняютъ политическій строй, но вызываютъ переворотъ и въ экономической структурѣ общества и привлекаютъ къ власти новые общественныя классы. Такова была французская революція 1789—1804 г., единственно заслуживающая названія великой. Бываютъ, наконецъ, чисто политическія революции, приводящія обыкновенно или только къ перемѣнѣ лицъ, обладающихъ верховной властью, или къ нѣкоторому видоизмѣненію политической конституціи государства. Таковы англійская революція 1688 года, французская революція 1830 года, русская революція 1905 года, младотурецкая революція.

Каждая такая революція можетъ привести или не привести къ диктатурѣ, при чемъ диктатуры могутъ быть какъ революционными, такъ и контръ-революционными, смотря по тому, закрѣпляютъ ли онѣ нѣкоторыя измѣненія, внесенныя революціей, или возстановливаютъ дореволюціонный строй цѣликомъ.

Революционными были диктатуры Кромвеля и Бонапарта, контръ-революционной—диктатура Наполеона III.

Диктатура есть какъ бы отрицаніе революціи. Революціи происходятъ обычно вслѣдствіе возстанія народа противъ неограниченной власти монарха, диктатура же есть какъ разъ наиболѣе яркое воплощеніе такой неограниченной власти одного лица, притомъ не могущаго даже, какъ монархъ, сослаться на силу давности, историческаго права, наслѣдственной традиціи. Однако диктатура вырастаетъ естественно изъ противорѣчій революціи, и обычно она есть не отрицаніе революціи, а утвержденіе плодовъ ея.

Революція совершается для созданія новаго политическаго равновѣсія, соответствующаго новымъ политическимъ, социальнымъ или экономическимъ силамъ, выросшимъ въ прежнемъ строѣ и разрушившимъ этотъ строй, какъ спѣлый плодъ разрываетъ покрывающую его шелуху. Но революція, уничтоживши прежній правительственный аппаратъ, не можетъ справиться съ освобожденными силами. Лишенные прежняго юридическаго ограниченія, эти силы производятъ взаимныя разрушенія; преобладаніе получаютъ все болѣе крайнія теченія. Въ народѣ распространяется сознаніе опасности, что революція можетъ принести съ собой не новый порядокъ, а разрушеніе всякаго порядка. Тогда именно революціонныя стихіи выдвигаютъ для своего спасенія изъ себя сильную исполнительную власть,—диктатуру, которая, хотя и противорѣчитъ по видѣ мѣму основнымъ идеямъ революціи, однако, спасая порядокъ, спасаетъ то, ради чего произошла революція.

Историческій ходъ событій въ этомъ случаѣ вполне послѣдователенъ: революціонный переворотъ разрушаетъ старый строй и выпускаетъ на свободу всѣ скованныя раньше и подчиненныя силы; отсюда—анархія; послѣдствіе анархій—матеріальная и идейная разруха общества и всеобщая усталость; послѣдствіе разрухи и утомленія—искреннее признаніе неограниченной власти того, кто способенъ обезпечить общественный порядокъ и національное бытіе государства.

Такое именно развитіе событій мы видимъ въ исторіи англійской революціи 1642—1660 годовъ. При первоначальномъ и поверхностномъ знакомствѣ съ нею насъ поражаетъ какъ бы историческій парадоксъ: революція началась изъ-за стремленія парламента ограничить королевскій абсолютизмъ, а кончилась она установленіемъ протектората Кромвеля, обладавшаго такой полнотой власти, которая никогда не принадлежала ни одному англійскому королю. Однако ближайшій ея разсмотрѣніе исторіи этой революціи убѣждаетъ въ естественности, если не необходимости, этой эволюціи.

Въ теченіе тридцати лѣтъ предъ созывомъ Долгаго Парламента въ Англии назрѣвалъ конфликтъ между королемъ и парламентомъ, т.-е. между абсолютной монархіей и монархіей ограниченной, или, по терминологіи англичанъ, между прерогативой (короны) и привилегіей (парламента). Границы между прерогативой и привилегіей были очень неопредѣленны, очень текучи, и потому страстно оспаривались обѣими сторонами. Власть, которую произвольно присвоили себѣ короли, сдѣлалась столь ненавистной народу, оявляемому утерять всѣ свои вольности, что народъ

въ конфликтѣ парламента былъ вполне на сторонѣ парламента, хотя, какъ оказалось впоследствии, народная партія парламента въ своихъ требованіяхъ и перешла черезъ тѣ границы, которыя народъ склоненъ былъ провести королевской прерогативѣ.

Англійская революція началась, какъ многія революціи, вслѣдствіе неудачной внѣшней войны. Ничто такъ не потрясаетъ существующаго государственнаго строя, какъ военное пораженіе. Въ этомъ смыслѣ война дѣйствительно есть «судъ Божій».

Неудачная война съ шотландцами и необходимость имѣть средства на продолженіе съ ними борьбы, заставили Карла I созвать парламентъ, получившій въ исторіи названіе Долгаго, такъ какъ онъ съ перерывами функционировалъ въ теченіе 20 лѣтъ, вплоть до реставраціи Стюартовъ въ 1660 г. Безъ созыва парламента король не могъ обойтись. Основное право англійскаго народа постоянно заключалось въ томъ, что никакіе новые налоги не могутъ быть возложены на народъ безъ согласія его представителей. Чрезвычайное увеличеніе государственныхъ расходовъ и необходимость содѣйствія народа для ихъ покрытія повсюду вызывали утвержденіе демократическихъ началъ. Для разрѣшенія финансоваго вопроса были созданы и французскіе генеральные штаты, положившіе начало французской революціи 1789 года.

Въ теченіе болѣе года послѣ созыва Долгаго Парламента (1640—1642) шла мирная борьба короля и парламента, въ которой по мѣрѣ ея обостренія король долженъ былъ сдавать одну позицію за другой. Главнѣйшими эпизодами этой борьбы были: изданіе 3-годичнаго акта, по которому король обязался созывать впредь парламентъ по крайней мѣрѣ разъ въ три года, казнь Страффорда, главнаго министра Карла I, и великая ремонстранція, съ длиннымъ перечисленіемъ всякихъ злоупотребленій стараго режима.

Оппозиція королю была сложна, и въ этой сложности заключалась серьезная опасность ошибокъ и смуты. Политическій конституціонализмъ и религиозный пуританизмъ соединились тѣсно въ оппозиціи, но первый хотѣлъ лишь увеличить власть парламента, второй же стремился къ уничтоженію англиканской церкви, т.-е. епископата. Сторонники того и другого теченія далеко не покрывали другъ друга, и потому рано или поздно между ними должно было произойти расхожденіе.

Окончательный разрывъ между королемъ и парламентомъ, послужившій началомъ гражданской войны, произошелъ въ 1642 году. Во время самаго напряженнаго политическаго состоянія Карлъ I совершилъ чрезвычайно неосторожный и даже провокаціонный актъ: онъ ворвался въ парламентъ во время засѣданія и попытался арестовать пятерыхъ лидеров парламентской партіи по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Эта попытка вызвала народный бунтъ. Тогда Карлъ I выѣхалъ изъ Лондона, отправился на сѣверъ Англии и началъ вербовать войска, чтобы вооруженной силой подавить народное движеніе.

У парламента вначалѣ не было революціонныхъ намѣреній. Правда, когда король отвергъ военный ордонансъ парламента, парламентъ издалъ новый ордонансъ уже безъ согласія короля, назначая своею властью губернаторовъ во всѣ графства и передавая имъ распоряженіе военными силами; но въ этомъ ордонансѣ, какъ и во всѣхъ приказахъ парламента въ

это время, повелѣвалось повиноваться волѣ его величества, выражаемой обѣими палатами парламента. Различая санъ короля отъ его индивидуальной личности, парламентъ именемъ короля и его властью набиралъ войска, которыя должны были дѣйствовать противъ короля!

Во время гражданской войны, продолжавшейся около 4 лѣтъ (1642—1646) англійскій народъ раздѣлился: часть пошла за королемъ, часть за парламентомъ, при чемъ въ этомъ раздѣленіи никакого соціального противопоставленія не было. На ту и другую сторону становились лица, принадлежавшія къ одному и тому же классу. Это была борьба политическихъ воззрѣній и религиозныхъ убѣжденій, а не экономическихъ или классовыхъ интересовъ. Въ общемъ за короля стояли сѣверныя и западныя области Англии, а за парламентъ—Лондонъ, юго-восточная часть Англии и флотъ.

Постоянной арміи не было ни у короля, ни у парламента. Приходилось организовать войско во время самыхъ военныхъ дѣйствій. Сраженія бывали небольшими по размѣрамъ и, вѣроятно, безъ особеннаго стратегическаго умѣнія. Теоретически разсуждая, побѣда должна была остаться за парламентомъ, такъ какъ въ его рукахъ были деньги, флотъ, Лондонъ и юго-восточная наиболѣе населенная часть Англии. Однако въ теченіе четырехъ лѣтъ борьба шла съ перемѣннымъ счастьемъ, сначала на сторонѣ короля, потомъ на сторонѣ парламента. Въ окончательномъ результатѣ побѣда склонилась на сторону парламента лишь благодаря вмѣшательству и поддержкѣ Шотландіи. Шотландія вызвала революцію, она же содѣйствовала и пораженію короля.

Гражданская война кончилась въ 1646 году пораженіемъ королевскаго войска при Нейеби. Карль бѣжалъ къ шотландцамъ, которые однако послѣ нѣкотораго колебанія выдали его парламенту; но у парламента его перехватила армія и держала подъ надзоромъ недалеко отъ Лондона. Потомъ въ теченіе двухъ лѣтъ начался сложный періодъ борьбы пресвитеріанскаго и конституціонно-монархическаго парламента съ и деидентской и демократической арміей, при чемъ Карль велъ переговоры и съ той и съ другой стороной, вызывая всеобщее озлобленіе своей несговорчивостью и двуличностью.

Во время гражданской войны политическое состояніе Англии чрезвычайно осложнилось. Въ политическихъ партіяхъ и въ соотношеніи реальныхъ политическихъ силъ произошелъ значительный сдвигъ. Въ эволюціи политическихъ партій самымъ важнымъ фактомъ было усиленіе крайнихъ демократическихъ взглядовъ, въ началѣ революціи мало замѣтныхъ. На сцену выходятъ индепенденты.

Англикапизмъ былъ расколомъ въ католичество, пуританизмъ и пресвитеріанство были уже расколомъ въ расколъ; но дѣло распадало, какъ и надо было ожидать, на этомъ не остановилось, и въ самомъ пресвитеріанствѣ произошло новое отпаденіе въ видѣ индепендента, изъ рядовъ котораго вышли главные идейные противники пресвитеріанъ. Индепенденты исповѣдывали, что всякая христіанская община образуетъ цѣльный и законченный организмъ и отвѣчаетъ въ области доктрины и церковной дисциплины только предъ самой собой; поэтому они не признавали, ни епископской власти (какъ католики или англикане), ни синодовъ или общихъ собраній духо-

венства (какъ пресвитеріане); ихъ организація была чисто мѣстнаго характера, откуда и самое названіе «независимовцевъ» или индепендентовъ. Въ области политической индепенденты склонны были къ республиканизму и къ крайней демократіи.

Индепендентство свое главное распространеніе имѣло въ арміи; поэтому вмѣстѣ съ индепендентствомъ на политической аренѣ появляется новый неожиданный, никакой конституціей непредвидѣнный политическій факторъ—армія. Армія перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ она всегда должна быть по своей идеѣ,—орудіемъ въ рукахъ политической власти; она сама захватываетъ себѣ политическую власть. Побѣдоносная парламентская армія начинаетъ оказывать все большее давленіе на парламентъ, а вскорѣ вступаетъ и въ прямой съ нимъ конфликтъ.

Въ 1644 году, подъ вліяніемъ Кромвеля и по требованію арміи, создана была новая организація арміи, такъ называемый «новый образецъ»: отъ командованія арміей устранены были всѣ члены парламента, и командный составъ арміи сдѣлался совершенно независимымъ отъ парламента. Исключеніе было сдѣлано лишь для Кромвеля, и неудивительно, что къ Кромвелю мало-по-малу перешла вся власть надъ арміей, а черезъ армію и надъ парламентомъ. Начинается быстрое непримѣрное возвышеніе Кромвеля.

Лѣтомъ 1647 г. Кромвель пытался сблизиться съ королемъ; но послѣ бѣгства Карла на островъ Уайтъ и возобновленія роялистскаго движенія (возстаніе въ Кентѣ, въ Уэльсѣ, во флотѣ и вторженіе въ Англию шотландской арміи), вызвавшего вторую гражданскую войну, ненависть Кромвеля и арміи къ королю чрезвычайно усилились. Во время второй гражданской войны парламентъ старался утвердить свое положеніе, издавши ордонансъ противъ индепендентства и вступивши въ переговоры съ Карломъ. Но это привело къ энергичному вмѣшательству арміи. Кромвелемъ была произведена надъ парламентомъ хирургическая операція: негодные Кромвелю депутаты были изгнаны изъ парламента (такъ называемое «Прайдово очищеніе»). Послѣ этого были произведены судъ надъ королемъ и казнь его.

Съ казнью Карла I англійская революція зашла однако слишкомъ далеко, перешла свои разумныя границы. Англія лишилась устойчиваго, единого и общепризнаннаго правительства. Монархія была низвергнута; палата лордовъ была уничтожена; отъ нижней палаты общинъ послѣ Прайдова очищенія остался лишь такъ называемый презрительно «Парламентъ-Огузокъ», гдѣ засѣдало не болѣе сотни депутатовъ, оставшихся отъ Долгаго Парламента. На ряду съ нимъ имѣлся совѣтъ офицеровъ, родъ военно-религіознаго парламента, руководимаго Кромвелемъ и постоянно вмѣшивавшагося въ управленіе страной. Совѣтъ офицеровъ настаивалъ, чтобы Парламентъ-Огузокъ разошелся и чтобы была избрана новая палата въ 400 человекъ. Но члены парламентскаго остатка не желали добровольно разстаться съ властью. Ими созданъ былъ парламентскій комитетъ, Государственный совѣтъ изъ 41 человекъ. Этотъ Совѣтъ провозгласилъ Англию республикой.

Въ первый годъ республики въ англійскомъ обществѣ и особенно въ англійской арміи возникаютъ, какъ бы повинувшись общему закону развитія революціонныхъ теорій до ихъ крайняго предѣла, крайнія демократическія и социалистическія движенія («урав-

нителѣй» (левеллеровъ) и «землекоповъ» (диггеровъ). Англїи угрожала анархїя и жакерїя. Но съ Кромвелемъ шутки были плохи, и попытка вызвать на этой почвѣ безпорядки въ арміи были имъ тотчасъ же подавлены со свойственной ему силой и энергїей; нѣсколько солдатскихъ казней сразу же возстановили въ арміи нарушенную дисциплину, и все вошло въ свою колею.

Фактическая власть надъ страню мало-по-малу переходитъ къ арміи, и командующій ею генераль Кромвель дѣлается настоящимъ главою государства. Онъ правитъ страню твердою рукой и, нѣдо сказать, съ большимъ успѣхомъ. Онъ сурово подавилъ мятежъ въ Ирландїи, быстро разгромилъ роялистскую армію въ Шотландїи и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ очень успѣшную внѣшнюю политику.

Въ 1653 году Кромвель разогналъ надоѣвшій всѣмъ Парламентъ-Огузокъ, все не хотѣвшій расходиться, образовалъ Государственный Совѣтъ изъ 13 членовъ и созвалъ изъ 156 депутатовъ (явившихся не по выборамъ, а по специальному приглашенію) такъ называемый Парламентъ-Берибонсъ. Этотъ парламентъ, состоявшій изъ «святыхъ» различныхъ сектъ, оставилъ въ исторїи чрезвычайно комическое впечатлѣніе своимъ ханжествомъ. При всѣобщихъ насмѣшкахъ и презрѣніи въ томъ же году онъ самъ добровольно разошелся. Избранный имъ Государственный Совѣтъ и Совѣтъ офицеровъ выработали новую конституцію Англїи. Во главѣ исполнительной власти поставленъ былъ лордъ-протекторъ (Кромвель) и избираемый имъ совѣтъ. Законодательная власть передана была парламенту, избираемому на три года по широкому избирательному праву.

Въ 1654 году такой парламентъ былъ созванъ, но онъ обнаружилъ сразу же по отношенію къ Кромвелю рѣзко оппозиционный духъ, не желая на мѣсто абсолютизма законнаго короля Стюарта поставить новый абсолютизмъ случайнаго узурпатора. Видя неблагопрїятный для себя оборотъ дѣлъ, Кромвель тотчасъ же распустилъ непокорный парламентъ и установилъ единоличное управленіе страню. Вся Англїя была раздѣлена на 10 округовъ, во главѣ которыхъ были поставлены «майоры». Англїя подчинена была военной диктатурѣ. Однако долго продолжать подобный опытъ въ свободолюбивой Англїи было невозможно. Черезъ два года, въ 1656 году, Кромвель принужденъ былъ снова созвать парламентъ, но при этомъ онъ принялъ мѣры предосторожности. Къ засѣданіямъ парламента были допущены только угдныя Кромвелю депутаты: повторено было нѣкотораго рода Прайдово прочищеніе. Этотъ послѣдній парламентъ предложилъ даже Кромвелю королевскую корону, и только противодѣйствіе арміи помѣшало Кромвелю короноваться.

Послѣ смерти Кромвеля въ 1658 году англїйская республика просуществовала очень не долго; и безъ особенныхъ затрудненій въ 1660 г. была восстановлена при всеобщемъ ликованїи народа монархїя. Англїйскимъ королемъ признанъ былъ законный претендентъ, сынъ Карла I Карлъ II.

Въ развитїи англїйской революціи мы видимъ, со времени созыва Долгаго Парламента въ 1640 году въ теченіе 15 лѣтъ грандіозную внутреннюю смуту, переходъ отъ фактическаго абсолютизма монарха къ крайней демократїи и къ республикѣ, потомъ демократїя исчезаетъ, происходитъ реставрація, возвращеніе почти къ прежнему дореволюціонному состоянію.

Въ чемъ причина этого страннаго явленія? Почему революція явилась только какъ бы случайной судорогой народа, только временной бурей, быстро пронесшейся по странѣ и не измѣнившей глубоко политическаго строя, только острымъ воспаленїемъ и преходящимъ заболѣванїемъ народнаго организма? Единственное объясненіе этому процессу въ томъ, что англїйская революція, какъ это часто бываетъ съ революціями, зашла гораздо дальше, чѣмъ то требовалось причинами, вызвавшими эту революцію. Англїйская революція была внезапнымъ политическимъ взрывомъ, вслѣдствіе недовольства народа тѣми злоупотребленїями и тѣми нарушенїями традиционныхъ вольностей, въ которыхъ были виновны Карлъ I и его правительство. Въ то время, какъ народъ выросъ въ своемъ политическомъ самосознанїи, и требовалось, соотвѣтственно общему состоянію народной психики, не только сохраненїя прежнихъ народныхъ вольностей, но и нѣкоторое ихъ расширенїе, политическій строй шелъ назадъ, по пути абсолютизма и неотвѣтственнаго, не связаннаго съ народомъ правительства. Отсюда распространеніе чрезвычайно оппозиціоннаго настроенія въ народѣ противъ правительства. Когда созывъ Долгаго Парламента далъ этому настроенію выходъ, оно, вырвавшись, увлекло за собою всю правовую плотину. Сдѣлавъ быстрое движеніе впередъ и не встрѣтивши необходимой задержки, народъ не удержался на ногахъ и упалъ, увлекая за собою всѣ учрежденїя, разрушенїе которыхъ вовсе не входило въ первоначальные его планы. Разнуздались страсти, огонь охватилъ весь горючїй матеріалъ, и началось пожарище историческихъ формъ. Возникли все болѣе крайнїя теченїя и увлекали за собою болѣе умѣренныя. Этотъ процессъ продолжался, пока не исчерпана была вся сила потенциальнаго движенія въ народѣ. Тогда народъ очутился въ политическомъ положенїи вовсе не отвѣчавшимъ его намѣренїямъ. Организмъ народный, какъ и организмъ биологическій, не перерождается съ вечера на утро,—онъ растетъ послѣдовательно. Революція есть только болѣзнь задержаннаго роста. Когда болѣзнь эта проходить, препятствїе устранено, государство продолжаетъ свой дальнѣйшїй историческій путь. Этимъ объясняется видимая неудача всѣхъ революцій, если смотрѣть на послѣдствїя революціи съ точки зрѣнїя тѣхъ идей, которыя господствуютъ во время революціи. Но это только неправильная точка зрѣнїя. Послѣдствїя революціи нѣдо сравнивать не съ революціей, а съ дореволюціоннымъ состоянїемъ. Тогда мы увидимъ, что послѣреволюціонное состоянїе есть лишь органическое и логическое продолженіе дореволюціоннаго состоянїя. Революція же есть только эпизодъ, устранившїй препятствїя этому росту.

Послѣ казни Карла I политическое устройство Англїи было очень противорѣчивымъ. Сверху небольшая группа энергичныхъ военачальниковъ и послушная дисциплинированная армія, которая располагаетъ властью въ государствѣ, учреждаетъ республику, устанавливаетъ диктатуру Кромвеля и организуетъ военное управленіе по всей Англїи. Внизу, англїйское общество то же, что и раньше. На мѣстахъ дѣйствительное руководство административными дѣлами осталось въ рукахъ той же мѣстной знати и дворянству, которымъ оно и раньше принадлежало и которыя вовсе не были настроены республикански. Въ силу неожиданныхъ обстоятельствъ королевская

власть временно была устранена, но общественное мнѣніе страны вовсе отъ нея не отказалось окончательно. Временно Кромвель захватилъ всю власть въ свои руки и энергичными, патристичными и успѣшными дѣйствіями сумѣлъ оправдать передъ исторіей эту узурпацію, но тѣмъ самымъ онъ приготовилъ путь къ легкому возстановленію монархическаго строя.

Англійская революція произошла для признанія участія народа въ законодательствѣ и управленіи, а не для устраненія монархіи и аристократическихъ классовъ общества. Но революція перешла за эту исторически оправдываемую цѣль; и потому революціонныя созданія были эфемерны; они прошли какъ сонъ для однихъ, какъ кошмаръ для большинства, и успокоившаяся народная стихія отвергла ихъ.

По своимъ результатамъ англійская революція въ сущности и не была революціей. Она не принесла съ собою глубокаго переворота въ англійскомъ строѣ, какъ сдѣлала это, на примѣръ, французская революція. Когда прошло революціонное половодье, оказалось, что англійская конституція та же, какая была создана предшествующей исторіей, и только были устранены тѣ злоупотребленія, какія были введены въ эту конституцію при Стюартахъ. Революціонный кризисъ не нарушилъ общаго эволюціоннаго хода англійской исторіи, и послѣ революціи никакого переворота не оказалось.

Англичане—свободолюбивый, но мудрый и практичный народъ; то, что они строятъ, они строятъ навѣки, и ни за что не хотятъ разрушать построеннаго для одного удовольствія узнать, нельзя ли построить чего-нибудь новаго. Они согласны дѣлать пристройки, произвести ремонтъ и частичныя перестройки. Но разъ заложивши фундаментъ своего политическаго строя и установивши основныя архитектурныя линіи, они твердо держатся за старое. Въ этомъ ихъ сила и мудрость. Они знаютъ, что разрушать легко, а строить трудно и тяжело. И потому они строители по преимуществу.

Нынѣ Великая Британія гордится тѣмъ, что уже два столѣтія революціи, потрясавшія всѣ страны міра, останавливаются, какъ зачарованныя, у Ламанскаго пролива и не достигаютъ береговъ Англій. Уже столѣтіе всѣ страны Европы и Америки испытываютъ жестокия и тяжкія потрясенія, но въ Англій эти катастрофическія потрясенія отражаются лишь въ видѣ слабыхъ и методическихъ колебаній.

А. Пойминовъ.

ПИСЬМО П. Я. ЧААДАЕВУ.

Въ 1836 году въ «Телескопѣ» появилось ваше философское письмо, которое произвело тогда на русское общество впечатлѣніе «грома въ ясномъ небѣ». Всѣ были поражены. Николай I счелъ себя оскорбленнымъ за Россію и объявилъ васъ сумасшедшимъ. Потомъ, въ «Апологіи сумасшедшаго» вы писали, что мысль свою, не желая имѣть дѣла съ современниками, вы предназначали въ глубинѣ своего убѣжденія, грядущимъ поколѣніямъ.

Кому же, какъ не нашему поколѣнію, рѣшающему судьбу Россіи предназначалось это письмо? И кому же, какъ не намъ, хотя и не великимъ людямъ, но людямъ великой эпохи, отвѣчать вамъ, замѣчательному соотечественнику нашему?

Никто до васъ и никто послѣ васъ не сказалъ такъ много горькихъ истинъ о Россіи и никогда еще горячая любовь къ отечеству не была такъ охлаждена безукоризненной логикой разсудка.

Вамъ, строгому наблюдателю русской жизни, вамъ нужно было бы сейчасъ стоять среди насъ, какъ стояли вы въ 12-омъ году, когда Россія, какъ одинъ человѣкъ, поднялась на защиту гибнущаго отечества, когда въ 25-омъ году умирали на висѣлицахъ наши первые безумные мечтатели о свободной Россіи, когда расцвѣло вооруженное нѣмецкой идеологіей российское самодержавіе, посадившее васъ подъ охрану, какъ сумасшедшаго, вамъ нужно было бы стоять среди насъ сейчасъ, потому что о нашемъ времени вы писали: «Но если черезъ это небытіе вы случайно придете къ тому моменту, когда народъ почувствовалъ, что онъ живетъ на самомъ дѣлѣ, когда его сердце начнетъ биться по настоящему, если вы услышите какъ зашумитъ и поднимется вокругъ васъ народная волна,—о! тогда остановитесь, размышляйте, изучайте... ваши труды не будутъ потеряны: вы знаете, на что способна ваша страна въ великіе дни, на что она должна надѣяться въ будущемъ». («Апологія сумасшедшаго»).

Сейчасъ рѣшается вопросъ о нашей исторической роли, о нашемъ мѣстѣ среди народовъ міра: что мы такое,—нація съ опредѣленными индивидуальными особенностями съ своеобразнымъ духовнымъ складомъ,—или только население огромной российской равнины, только «географическое явленіе». Какіе новые идеалы присоединить Россію, страна будущаго, какъ мы любили ее называть, къ уже существующимъ въ оборотѣ духовной жизни Запада,—или намъ нечего сказать міру, потому что за нѣмыми устами ничего не скрывалось, кромѣ нѣмой души?

Вы и ваши современники изощрали свой умъ на вопросахъ объ исторической роли Россіи. Вы не только на основаніи ея прошлаго и ея настоящаго думали разрѣшить вопросъ объ ея историческомъ назначеніи, вы любили говорить о «серьезномъ предчувствіи ожидающихъ насъ судьбъ». Вы моментъ нашего самоопредѣленія намъ необходимо знать мнѣніе о насъ лучшихъ сыновъ нашей родины. Нужды нѣтъ, что давно прервалось ваше земное странствованіе—вѣдь для мысли нѣтъ смерти и мудрецы не умираютъ.

Васъ, автора самаго безпощаднаго обвинительнаго акта противъ Россіи, мы должны считать въ рядахъ лучшихъ нашихъ патриотовъ, потому что прежде чѣмъ обвинять,—вы любили Россію.

Что такое Россія въ вашихъ глазахъ? Чистый листъ бумаги, на которомъ Петръ начерталъ слова: Европа и Западъ.

Что дало ему право такъ пренебрегать нашимъ національнымъ духомъ?—Отсутствіе у насъ національнаго лица. Потому что исторія народа не простой рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ фактовъ, а рядъ идей, находящихся въ зависимости другъ отъ друга. Этой исторіи у насъ не было.

«Одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи въ массу идей человѣческихъ, ничѣмъ не содѣйствовали прогрессу человѣческаго разума и все, что намъ досталось отъ этого прогресса, мы исказили».

«Съ первой минуты нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей, ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной

почвѣ нашей родины; ни одна великая истина не вышла изъ нашей среды; мы не дали себѣ труда ничего выдумать сами, а изъ того, что выдумали другіе, мы перенимали только обманчивую внѣшность и бесполезную роскошь. «Гдѣ наши мудрецы, наши мыслители? Кто когда-либо мыслить за насъ, кто теперь за насъ мыслить?» («Философическое письмо»).

«Посмотрите отъ доски до доски наши лѣтоп: си,— вы тамъ найдете на каждой страницѣ глубокое дѣйствіе власти, безпрестанное вліяніе земли и почти никакого вліянія народной воли». («Апология сумасшедшаго»).

Смыслъ нашего существованія великолѣпно понялъ, по вашему мнѣнію Карамзинъ, о которомъ полуиронически вы писали А. И. Тургеневу: «Какъ здраво, какъ толково любилъ онъ свое отечество! Какъ простодушно любовался его огромностію и какъ хорошо разумѣлъ, что смыслъ Россіи заключается въ этой огромности».

Не одаренные творческимъ духомъ, безсильные выкинуть изъ народныхъ глубинъ хоть какую-нибудь идею, мы обречены на жалкое существованіе «подобно незаконнымъ дѣтямъ, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, жившими раньше насъ».

Вы послѣдовательно заключали, что народы лишены духовной культуры, національной идеи «должны покорно искать элементовъ ихъ дальнѣйшаго прогресса не въ своей исторіи и въ своей памяти, а въ исторіи другихъ націй». («Апология сумасшедшаго»). Въ этомъ вы хотите видѣть нашу счастливую особенность, эту жалкую участь, которую въ глубинѣ своей души вы не могли не признать, вы выдумали какъ спасительный якорь, за который можетъ ухватиться обреченная на гибель Россія.

Жалкое и безславное будущее предлагали вы нашей родинѣ,—огромному и пустому народу. Безукоризненная логика продиктовала вамъ вашу горькую истину. И вы думали, что сказали ее безъ горечи?—Но въ вашей мысли было больше, нежели горечь,—была безнадежность.

И мы, стояще сейчасъ на порогѣ будущаго, поднимающе ваше обвиненіе,—мы не можемъ вамъ возразить. Мы провѣрили его въ этотъ серьезный и жуткій моментъ нашей исторіи и мы съ ужасомъ повторяемъ вслѣдъ за вами:—у насъ нѣтъ идеаловъ, у русской революціи нѣтъ идеаловъ! Какіе идеалы выдвинуты нашей революціей, чѣмъ одушевлены эти толпы народа мечущіяся по улицамъ нашихъ столицъ?

Шкурный вопросъ, вотъ — ихъ единственный двигатель, сорвать какъ можно больше и гдѣ только возможно,—вотъ то, что одушевляетъ ихъ, классовый антагонизмъ,—вотъ то, чѣмъ хотятъ замѣнить идеалы.

Можетъ быть наша революція сыграетъ отрицательную роль, можетъ быть она докажетъ человѣчеству, что шкурный вопросъ плохая гарантія для водворенія свободы и мира на землѣ, что движимое шкурнымъ вопросомъ человѣчество отъ свободы и права придетъ къ дикой враждѣ и ненависти, что «человѣкъ—человѣку—волкъ» станетъ нашей заповѣдью, что столкновение «интересовъ» приведетъ къ взаимному истребленію, что уже близокъ моментъ, когда опьяненные взаимной ненавистью люди перегрызутъ другъ другу горло,—руководимые шкурнымъ вопросомъ.

У нашей революціи нѣтъ идеаловъ. Но можетъ быть вы предчувствовали правду, когда говорили, что мы существуемъ лишь для того, чтобы дать міру какой-нибудь важный урокъ. Мы доведемъ до абсурда одну изъ популярнѣйшихъ идей Запада, идею о борьбѣ классовыхъ эгоизмовъ и докажемъ, что не она должна быть написана на красныхъ знаменахъ революціи. Наивная и темная толпа жадно ухватилась за эти упрощенные лозунги, потому что для нихъ всегда есть готовая почва на инстинктѣ эгоизма, ненависти и трусости.

Нельзя безнаказанно разжигать классовую вражду, нельзя безпрестанно твердить о борьбѣ классовыхъ интересовъ,—въ Петроградѣ темная толпа сдѣлала естественный выводъ. Вожди проговѣдуютъ,—толпа дѣйствуетъ. Зараженные идеей интереса мы ведемъ страну къ гибели, потому что не въ ненависти,—а въ любви, не въ «аппетитахъ»,—а въ работѣ духа—творческое созиданіе жизни. Только въ словахъ, которыя кажутся сейчасъ «буржуазными предрасудками»—наше спасеніе. Это отечество, Богъ, долгъ, честь... но они вычеркнуты изъ лексикона предложеннаго народнымъ массамъ.

Объ этихъ сверхъ-классовыхъ интересахъ, объ ихъ творческой силѣ думали вы когда писали, что «истинная исторія народа начнется лишь съ того дня когда онъ почувствуетъ себя охваченнымъ извѣстной идеей, которая ему была ввѣрена и которую онъ призванъ осуществлять, лишь въ тотъ моментъ, когда онъ станетъ преслѣдовать ее съ тѣмъ настойчивымъ, хотя и скрытымъ инстинктомъ, который ведетъ народы къ ихъ предназначенію. Вотъ та минута, которую я призываю всѣми силами моей души для моей родины». («Апология сумасшедшаго»). Это то, что необходимо намъ сейчасъ, въ чемъ наше спасеніе, то единственное средство, которое выведетъ насъ на твердый путь, если у насъ есть другое предназначеніе кромѣ грознаго урока народамъ, что такъ жить нельзя.

Найдемъ ли мы въ себѣ достаточно творческой силы духа, чтобы изъ глубины народной создать тѣ идеалы, которые сплотятъ насъ въ тѣсную семью, въ единую цѣлое, тѣ идеалы, которые одни только и создавали могучія народныя движенія, когда не могло быть и рѣчи о поражении?

Что если мы способны существовать только подъ игомъ, если мы способны создавать только изумительныя пѣсни неволи, на удивленіе міру? Можетъ быть мы опять станемъ загадочнымъ народомъ съ печатью молчанія на устахъ? Опять кто-то другой будетъ управлять нами и покрываться нашимъ именемъ? Какъ обычна была когда то для насъ мысль, что русское правительство—не Россія. Когда мы слышали, что союзники не вѣрили двусмысленной политикѣ Россіи въ войнѣ, мы съ негодованіемъ заявляли:—«это не мы, это Штюрмеръ и Протопоповъ». Но вѣдь и теперь, когда свергнуть нашъ позоръ, когда нѣтъ того, за что мы краснѣли, когда теперь союзники говорятъ намъ,—«и такъ, вы намъ измените», мы смущенно возражаемъ: «это не мы, это Ленинъ съ большевиками». Опять не мы? Опять скрыто истинное лицо Россіи, опять кто то другой, кого мы не хотимъ считать Россіей, говорить отъ нашего имени. И дѣлается страшно,—можетъ быть у насъ нѣтъ національнаго лица и за чужими масками скрывается черная пустота?

Можем ли мы найти в нашей истории хоть один момент, когда русский народ проявил себя как единая, нераздельная, могучая сила? Можем ли мы найти такой момент, чтобы в нем черпать надежды на будущее, уверенность в существовании единой, свободной, могучей России? Может быть это первые четыре дня нашей революции, четыре дня нашего могущества?

Видели ли вы, вашими безплотными глазами то, что совершалось на улицах Петрограда в эти четыре дня? Если бы вы, великий соотечественник, стояли тогда среди взволнованной и счастливой толпы, если бы вы слышали радостную музыку блестящих труб впереди войск, какое удивление мелькнуло бы в ваших скорбных глазах, а потом радость, да несомненно радость, потому что вы любили свою великую родину.

Мы хорошо знали толпу от которой пахнет шерстью оштиневшагося звѣря, мы знали бессмысленную и рабскую толпу падающую ницъ передъ колесницею побѣдителя, жестокою и жадною толпу кричавшую: «Варавву намъ, Варавву», но знали ли мы также хорошо—доброе и кроткое лицо толпы?

И если бы вы, великий соотечественник, видели потомъ то, что было послѣ этихъ четырехъ дней, если бы вы видели какъ мы постепенно, шагъ за шагомъ теряли свободу и наконецъ потеряли ее надолго, вы вѣроятно лишній разъ бы убѣдились въ истинности своихъ историческихъ воззрѣній и бросили бы горькую правду въ лицо великаго народа: неудотворенная сила—бесильна.

В. Дороватовская.

КЛАССОВЫЯ ПРОТИВОРѢЧІЯ ВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

I.

Исторія имѣетъ свои законы, быть можетъ и жестокие, но неизмѣнные. Она не знала, не знаетъ и едва ли когда-либо будетъ знать прыжки изъ царства гнетущей нужды въ міръ волн есныхъ сказокъ утопии. Въ исторіи не разъ бывали моменты, когда опьяненнымъ минутою успѣха мечтателямъ казалось, что идеалы всеобщаго братства и равенства претворяются въ жизнь, но время шло, суровая логика событій брала свое, и волна жестокой реакціи смѣняла дни восторженныхъ революціонныхъ порывовъ. И чѣмъ дальше заходили дерзанія революціи, повидимому, ярче сверкало надъ землею солнце правды и справедливости, тѣмъ обычно глубже и безпоощаднѣй была контръ-революція.

Ни революція, ни контръ-революція не являются вдругъ, подобно средневѣковому *deus ex machina*. Онѣ подготовляются исподволь и постепенное нарастаніе ихъ внимательному наблюдателю не трудно бываетъ отмѣтить задолго до переворота, и лишь на людей недалекихъ, не знакомыхъ съ законами исторіи, не умѣющихъ разбираться въ сложномъ и за уганномъ клукѣ повседневныхъ событій, революція и реакція могутъ производить впечатлѣніе грома среди яснаго неба.

Контръ-революція обычно начинается вскорѣ послѣ первыхъ дней переворота, и чѣмъ далѣе развивается революція, чѣмъ къ болѣе крайнимъ партіямъ пере-

ходить кормило правленія государствомъ, тѣмъ болѣе могучей и отчетливой становится контръ-революционная волна. Все болѣе грозные размѣры принимаетъ она и у насъ въ Россіи, по мѣрѣ приближенія къ власти все менѣе и менѣе умѣренныхъ круговъ населенія. И не слѣдуетъ думать, что подготовка контръ-революціи ведется какими-то темными силами, которыя гдѣ-то прячутся по тайнымъ угламъ, замышляя что-то недоброе и злостное противъ новаго строя. Безъ сомнѣнія такіа темныя личности имѣются, но опасность не въ нихъ: не по силамъ имъ борьба со свободой. Только не въ мѣру пугливые приверженцы самодержавія могли въ свое время серьезно опасаться нелегальныхъ партій подполья, будто бы способныхъ испровергнуть основы существующаго государственнаго строя. Намъ этой ошибки повторять неслѣдуетъ, намъ пора уяснить себѣ, что великія событія исторіи совершаются не революционерами и контръ-революціонерами, а всѣмъ ходомъ народнохозяйственной жизни страны.

И вотъ съ этой именно стороны и грозитъ опасность новому строю, потому что судьба навязала на шею свободной Россіи тяжкій камень народнохозяйственной разрухи, подготовленной страшною войною и старымъ режимомъ.

II.

Стихійно одновременно нарастаетъ сейчасъ волна недовольства, и въ городѣ, и въ деревнѣ. Въ городахъ происшедшій переворотъ въ значительной мѣрѣ носилъ характеръ бумажно-денежной революціи. Положеніе трудящихся массъ, въ связи съ общимъ сокращеніемъ производства подлежащихъ распределенію между отдѣльными классами населенія товаровъ, обусловленнымъ, съ одной стороны, недостаткомъ рабочихъ рукъ, съ другой стороны, переходомъ промышленности къ работамъ на оборону, сильно ухудшилось. Съ этимъ приходилось считаться, какъ съ явленіемъ неизбежнымъ, но бумажно-денежный потопъ, измѣнявшій характеръ распределения продуктовъ въ невыгодную для рабочихъ сторону, не могъ не вызывать рѣзкаго озлобленія въ ихъ средѣ. Усиленный выпускъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніе повышалъ товарныя цѣны въ такой мѣрѣ, что ростъ заработныхъ платъ за ними угнаться не могъ, такъ какъ по общему правилу заработная плата измѣняется относительно медленнѣе, чѣмъ товарныя цѣны, и вслѣдствіе этого, изъ того малаго количества товаровъ, которое оставалось для нуждъ населенія, на долю рабочихъ приходилась совсѣмъ ничтожная часть продуктовъ. Рабочій классъ терпѣлъ нужду, и нужда эта еще обострялась политикою стараго режима, неукоснительно подавлявшаго, рассматриваемыя, какъ измѣна отечеству, требованія рабочихъ объ улучшеніи экономическаго положенія и повышеніи заработной платы.

А когда палку слишкомъ сильно перегибаютъ въ одну сторону, выпрямляясь, она столь же сильно перегибается въ другую. И почувствовавъ власть въ своихъ рукахъ, рабочій классъ не остановился и психологически и не могъ остановиться въ предѣлахъ возможнаго, и сталъ предъявлять требованія, далеко не всегда разумныя... Требования прибавокъ не прекращаются и по сей день. Обычно они удовлетворяются. Но, когда одипъ классъ слишкомъ сильно начинаетъ давить на другой, реакція становится неизбежною.

вой, неизбежна и рознь между буржуазией и пролетариатомъ. И не разумно, уподобляясь страусу, зарывающему голову въ песокъ, чтобы спастись отъ преслѣдователей, закрывать глаза на то, что рознь эта чревата пагубными для дѣла русской революціи послѣдствіями, такъ какъ классовая рознь буржуазіи и пролетариата всегда являлась опорой для контрреволюціи. А между тѣмъ печатный станокъ продолжаетъ свою сокрушительную работу, и по мѣрѣ того, какъ вслѣдъ за обезцѣненіемъ рубля упадутъ и реальныя заработныя платы и снова ухудшится положеніе рабочихъ, въ ихъ средѣ неминуемо начнетъ возрастать раздраженіе противъ буржуазіи, новыя обвиненія посылаются на ея голову, новыя и все болѣе неисполнимыя требованія будутъ предъявлены, вырывая все болѣе и болѣе глубокую пропасть между классами, обостряя вражду и облегчая задачи контрреволюціи.

III.

Если бы контрреволюція могла опереться только на раздоръ городскихъ классовъ населенія между собою, ея надежды на успѣхъ были бы ничтожны: какъ бы чрезмѣрны ни были требованія, предъявляемыя къ буржуазіи пролетариатомъ, какъ бы ни озлобляли они ее, физическое преимущество большинства слишкомъ очевидно на сторонѣ пролетариата, чтобы контрреволюція могла исходить отъ буржуазіи.

Совсѣмъ иное бываетъ, когда контрреволюція опирается на деревню. Въ деревнѣ живетъ большинство населенія, у насъ въ Россіи по переписи 1897 г. только 13,7% всего народа жило въ городахъ, и какъ бы ни измѣнялись съ той поры соотношенія численности жителей города и деревни, въ городахъ находится не свыше $\frac{1}{5}$ всѣхъ гражданъ Россіи. И въ такой крестьянской странѣ, конечно, рѣшающее слово въ судьбахъ революціи скажетъ деревня, и если она перейдетъ на сторону, враждебную новому строю, контрреволюція будетъ неминуемой.

Въ популярныхъ с.-д. брошюрахъ принято говорить о врожденной тупости и реакционности мелкобуржуазнаго крестьянства, раздавившаго своимъ сапогомъ почти всѣ европейскія революціи. Въ одномъ автору этихъ брошюръ несомнѣнно правы: контрреволюціи всегда шли отъ деревни. Но совсѣмъ не потому, что деревни были реакціонно настроены, а крестьяне тупы и невѣжественны. Нѣтъ, пока революція носитъ общенародный характеръ смѣны формъ правленія и болѣе справедливаго распредѣленія власти между отдѣльными группами населенія, деревня, какъ и городъ, единодушно привѣтствуетъ ее. И лишь съ того момента, какъ въ процессѣ революціи власть захватываетъ одинъ какой-либо классъ, начинающій вести узкоэгоистическую политику своихъ классовыхъ интересовъ, вредно отражающуюся на интересахъ деревни, въ средѣ крестьянства начинается сначала глухой, потомъ открытый ропотъ противъ новаго строя, завершающійся походомъ составляющей большинство населенія деревни противъ города, вѣрнѣе противъ тѣхъ элементовъ его, которые присвоили себѣ власть въ ущербъ всему народу. И этимъ неизмѣнно пользовалась контрреволюція, чтобы за одно съ плеведами революціи выбросить за окно и завоеванныя ею несомнѣнныя цѣнности.

Вотъ такого рода благодатный для контрреволюціи ропотъ и назрѣваетъ сейчасъ въ деревнѣ...

Когда корабль тонетъ, а шлюпокъ мало, животный инстинктъ самосохраненія дѣлаетъ людей безумными и между ними начинается жестокая борьба за жизнь, принимающая порою самыя дикія и отталкивающія формы. Кораблю народнаго хозяйства Россіи грозитъ крушеніе. Съ каждымъ днемъ все острѣе чувствуется товарный голодъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Самое правильное и равномерное распредѣленіе продуктовъ между гражданами, самая суровая экономія потребленія при современномъ положеніи вещей не могутъ избавить народъ отъ тѣхъ жкихъ лишеній. А когда всѣмъ грозитъ нужда, ужасъ голода и холода, каждый классъ населенія, а внутри классовъ каждое отдѣльное лицо стремится взять себѣ возможно большую массу продуктовъ, чтобы спасти себя отъ страданій.

и рабочій классъ, натерпѣвшійся нужды за время войны, теперь, очутившись у власти, торопится улучшить свое положеніе. И онъ добился желаемаго, и повсемѣстный быстрый ростъ заработныхъ платъ, послѣдовавшій за революціей, былъ чрезвычайно благоприятенъ для пролетариата, и повысилъ его потребленіе всякаго рода товаровъ.

Между тѣмъ народный доходъ послѣ революціи не только не возросъ, но даже упалъ. Непрерывно сокращается производство всѣхъ благъ за недостаткомъ топлива и сырья, и за вычетомъ необходимаго для армии все меньшее и меньшее количество продуктовъ приходится на долю тыла. Эти продукты распредѣляются между городомъ и деревней, и если растеть потребленіе рабочихъ, то тѣмъ самымъ уменьшится масса товаровъ, остающаяся на долю деревни.

Деревня въ товарахъ нуждается. До революціи потребленіе ея было явно недостаточнымъ, отчасти въ силу общаго сокращенія производства, отчасти потому, что старый режимъ, не считаясь съ интересами крестьянства, возмѣщаль недостатокъ доходовъ государственнаго казначейства частыми реквизиціями сел.-хоз. орудій и скота по цѣнамъ несоразмѣрно низкимъ по сравненію съ паденіемъ рубля, и тѣмъ лишаль покупательную силу деревни возможности угнаться за ростомъ товарныхъ цѣнъ. Деревня оказывалась обдѣленной товарами и такъ же, какъ и рабочій классъ, могла стремиться къ улучшенію своего положенія.

Между тѣмъ послѣ революціи положеніе деревни, какъ потребителя, не улучшилось, а ухудшилось. Заработныя платы повсемѣстно возросли, рабочій, какъ болѣе сильный покупатель, сталъ вытѣснять съ рынка болѣе слабого покупателя—деревню; въ результатѣ, возросло потребленіе рабочимъ городскихъ издѣлій и уменьшилась масса товаровъ, приходящаяся не долю крестьянства.

Крестьянство могло бы возстановить нарушенное равновѣсіе соответственнымъ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ: ростъ выручки отъ продажи хлѣба далъ бы въ руки деревни столько денегъ, сколько нужно было, чтобы закупить прежнее количество товаровъ по новымъ цѣнамъ.

Но предметы потребленія крестьянъ и рабочихъ одни и тѣ же. И если бы путемъ повышенія хлѣбныхъ цѣнъ деревня получила то же количество товаровъ,

что и прежде, то это поставило бы рабочих даже въ худшее матеріальное положеніе, чѣмъ до переворота, такъ какъ общая масса товаровъ, подлежащихъ распредѣленію между отдѣльными классами населенія, за время революціи только сократилась.

Съ такого рода ходомъ дѣла едва ли въ состояніи будетъ примириться измученный и полуголодный классъ населенія, чувствующій себя калифомъ на часъ. Въ видахъ закрѣпленія за собою добытаго имъ улучшенія своего положенія, рабочий классъ въ городахъ всемѣрно будетъ настаивать на твердыхъ цѣнахъ на хлѣбъ, при чемъ цѣны эти неизмѣнно будутъ устанавливаться въ размѣрахъ деревню не удовлетворяющихъ, какъ неизмѣнно будутъ не исполняться и обѣщанія дать деревнѣ взаменъ хлѣба по соотвѣтственнымъ цѣнамъ городскія издѣлія.

Ибо, что значить дать деревнѣ товары по справедливымъ цѣнамъ?

Установленныя на хлѣбъ твердыя цѣны въ среднемъ превышаютъ цѣны мирнаго времени въ $2\frac{1}{2}$ раза; рубль обезцѣнился въ 3 раза, а цѣны городскія издѣлій въ связи съ общимъ ростомъ заработныхъ платъ возросли даже болѣе, чѣмъ въ 3 раза. При такихъ условіяхъ пониженіе цѣнъ товаровъ до уровня соотвѣтствующаго твердымъ цѣнамъ на хлѣбъ не представляется возможнымъ: это равнозначно продать ихъ дешевле себѣстоимости, и можетъ быть достигнуто только путемъ пониженія заработной платы, на что рабочіе, конечно, не пойдутъ. Болѣе же высокія цѣны городскія издѣлій, цѣны превышающія 250% цѣнъ мирнаго времени, деревни не удовлетворяютъ, представляя собою попытку обездолить ее, уменьшить ея потребление народнохозяйственныхъ благъ...

Когда человѣкъ нуждается, онъ особенно остро чувствуетъ несправедливость всякой попытки отнять у него что-либо изъ того малаго, чѣмъ онъ располагаетъ, и такъ какъ деревня и до революціи чувствовала острый недостатокъ въ городскіхъ товарахъ, то несоразмѣрно низкія твердыя цѣны хлѣба неминуемо вызовутъ ропотъ въ средѣ крестьянства. Деревня не можетъ примириться съ ростомъ потребления рабочаго класса, поскольку оно означаетъ уменьшеніе количества товаровъ, причитающихся крестьянству по праву равномѣрнаго распредѣленія общей нужды. И на попытку одѣлать ее товарами путемъ установленія твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ, она не замедлитъ отвѣтить попыткой одѣлать городъ хлѣбомъ.

На этой почвѣ разладъ между господствующимъ въ городахъ рабочимъ классомъ и крестьянствомъ неизбеженъ. Въ средѣ крестьянства, справедливо не желающаго ограничивать своего потребления въ угоду какому-либо иному классу населенія, начинается проявляться раздраженіе и противъ твердыхъ цѣнъ, и противъ городовъ. Пока еще глухое и неясное недовольство деревни, выливающееся въ стихійной оппозиціи закону о хлѣбной монополіи, по мѣрѣ дальнѣйшаго обезцѣненія рубля и уменьшенія массы товарныхъ благъ, равнозначныхъ твердой цѣнѣ, будетъ крѣпнуть и шириться, нарастая все въ болѣе и болѣе грозную и опасную волну.

Ср. Чалхушьянъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Министерскіи кризисъ.—Неудача переговоровъ о коалиціонномъ министерствѣ.—Вопросъ о программѣ правительственной дѣятельности.—Отставка г. Чернова.—Обвиненіе противъ большевиковъ.—Новый Верховный Главнокомандующій.—Роспускъ финляндскаго сейма.—Железнодорожный съездъ.

Когда пишутся эти строки, министерскій кризисъ пока еще не разрѣшился. Переговоры А. Ф. Керенскаго о коалиціонномъ министерствѣ съ представителями партіи Народной Свободы и торгово-промышленнаго класса не привели къ соглашенію. Соглашенія не состоялось не изъ-за требованій о количествѣ мѣстъ во Временномъ Правительствѣ, не изъ-за распредѣленія министерскихъ портфелей или нежелательности тѣхъ или ныхъ выдвинутыхъ кандидатуръ, а по причинѣ расхожденія во взглядахъ на программу правительственной дѣятельности. Условія, на которыхъ представители партіи Народной Свободы соглашались вступить въ коалиціонное министерство, сводились къ слѣдующему: 1) независимость власти отъ партійныхъ, профессиональныхъ и иныхъ организацій, 2) непредѣшеніе воли Учредительнаго Собранія мѣропріятіями правительства, 3) срочныя реформы въ Управленіи арміей и 4) война и миръ въ согласіи съ союзниками.

Эти основные пункты заключались и въ условіяхъ, выработанныхъ представителями торгово-промышленнаго класса. Означенными пунктами намѣчалась опредѣленная программа. Временное Правительство дѣйствуетъ самостоятельно, безъ воздѣйствія, какъ партійныхъ, такъ и революціонныхъ организацій, со всей полнотой власти. Задача правительства—охрана завоеваній революціи, восстановленіе порядка въ странѣ, борьба съ анархіей, созданіе мощи арміи и единеніе съ союзниками въ вопросахъ войны и мира, недопущеніе никакихъ шаговъ, грозящихъ вспышками гражданской войны и отложеніе всѣхъ основныхъ социальныхъ реформъ до Учредительнаго Собранія. Изложенная программа явно направлена противъ вліянія на правительство центральныхъ совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Во главу угла ставится рѣшительная борьба противъ большевизма, а также отрѣшенія отъ идей циммервальдцевъ, т.-е. продолженія войны въ согласіи съ союзниками. Другая сторона—министры-соціалисты и революціонныя организаци настаиваютъ, чтобы временное правительство въ своей дѣятельности не отступало отъ основъ деклараціи 8 юля. Многіе пункты этой деклараціи, однако, не признаются не-соціалистическими партіями. По вопросу о войнѣ декларація 8 юля опредѣленно стоитъ на проведеніи извѣстныхъ принциповъ, провозглашенныхъ русской революціей. Декларация заявляетъ, что Россія будетъ настаивать на нихъ и на созываемой конференціи союзниковъ, куда «на ряду съ лицами дипломатическаго вѣдомства войдутъ представители русской демократіи». Здѣсь усматриваютъ формальное признаніе двоевластія. Правительство демократической республики создаетъ двойственную делегацію на конференціи. Въ вопросахъ внутренняго управленія той же деклараціей возвѣщается проведеніе до созыва Учредительнаго Собранія ряда мѣропріятій преобразовательнаго характера, какъ, напримѣръ,

создание «коллегальных органов областного управления», что другой стороной признается выходящим из компетенции Временного Правительства. В области аграрной и рабочей политики правительственная декларация 8 июля очень выпукло отражает классовые и партийные точки зрения, отклоняясь от общегосударственных задач и также возвращает осуществление ряда коренных изменений до созыва Учредительного Собрания.

Борьба идет, таким образом, по целому ряду вопросов, но основное разногласие сводится к двум пунктам:—1) Временное Правительство должно быть ни от кого независимо и 2) «социальная революция» не может входить в программу Временного Правительства. Социальные изменения могут быть в результате будущего общественного строительства на основах, какія будут указаны свободно избранным Учредительным Собранием. Этой программой противопоставляется другая: программа «углубления и расширения революции», придания ей социалистического направления, проведения до созыва Учредительного Собрания социальных изменений. Отсюда—требования не ослабления, а укрепления власти революционных организаций, их «контроль» за действиями Временного Правительства, нежелание отказать от классовой борьбы. Отсюда—нерешительность и колебания в борьбе с большевизмом и желание видеть в большевистских призывах к захватно-явочным действиям лишь «идейное политическое течение», против которого не могут приниматься репрессивные меры.

Представители умеренных социалистических направлений стоят в нерешительности между двумя этими противоположными течениями. Делается попытка создать коалиционное министерство из представителей разных партий, но без разрешения основного требования всякой коалиции, без соглашения на определенной программой. Такая комбинация естественно терпит крушение, кризис затягивается и усложняется. Выход из такого положения, обещающий успех,—может быть только один: соглашение на общенациональной программой. Таковая исключает все то, что ведет к гражданской войне. В общенациональную программу входят удовлетворение общих нужд страны, укрепление ее боевой мощи, охрана прав и свободы граждан, устройство народно-хозяйственной жизни. На этот путь выйдет революционная демократия. Слишком грозны опасности переживаемого момента и повелительны жизненные требования, чтобы здоровые инстинкты самосохранения нации не развлекли фанатизм и ослепление призрачными миражами.

Иллюзии развеиваются, ошибки становятся слишком очевидными, жизнь заставляет прозреть.

Материалы, собранные прокурором петроградской судебной палаты относительно «возстания 3—5 июля», достаточно вскрыли теперь одну из таких «ошибок»: против Ленина и других большевистских лидеров судебной властью революционной России возбуждено уголовное преследование. После неудачи петроградского возстания большевистские органы печати заявили, что возстание—не дело рук большевиков, что оно для них явилось неожиданным. Это неожиданное заявление даже в социалистической печати встретило горячую отповедь и

указание на ряд компрометирующих фактов, но потом явилось желание «прикрыть грехи» и реабилитировать «крайнее социалистическое течение». Теперь сомнениям больше нет места. Теперь уже имется настоящий обвинительный акт, на основании которого Владимир Ульянов (Ленин), Оскар Герц Ааронов Аннелбаум (Зиновьев), Александра Колонтай, Вячеслав Козловский, Евгений Суменсон, Гельфант (Парвус), Яков Фюртенберг (Куба-Ганецкий), мичман Ильин (Раскольников), прапорщики Семашко, Сахаров и Рошаль обвиняются в том, что в 1917 году, являясь русскими гражданами, по предварительному между собою и другими лицами уговору, в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии, для чего и получили от этих государств денежные средства, организовали пропаганду среди населения и войска с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, и в тех же целях в период времени с 3-го по 5-е июля 1917 года организовали в Петрограде вооруженное возстание против существующей в государстве верховной власти, сопровождавшееся целым рядом убийств, насилий и попытками к аресту некоторых членов правительства, последствием каковых действий явился отказ некоторых войсковых частей от исполнения приказаний командного состава и самовольное оставление позиций, что способствовало успехам неприятельских армий». «Означенные преступные деяния—заканчиваются формулированное против большевиков обвинение,—предусматриваются статьями 51, 100 и 1 частью 108 ст. Уголовного Уложения». Лидеры «крайнего течения» избличаются в том же, что сделали для России Мясофдов и Сухомлиновы. Они достигли большего, чем Мясофдовы и Сухомлиновы, они развалили армию и разстроили тыл так, как не удалось этого сделать их достойным предшественникам...

Русская демократия должна прозреть, должна отойти от проповедников большевизма, ибо у каждого из них может оказаться не мало данных ему серебряников... Но этим отнюдь, конечно, не наносится удара подлинному движению к социализму, с которым разные «наемные агенты» будь то Ленины или охранники типа Зубатова не имеют ничего общего. «Большевизм»—это нагноение старого рухнувшего строя, это его язвы. Обновляющаяся Россия услышит настоящих глашатаев социализма и увидит строителей «государства будущего», которые будут закладывать его основы без лжи и лести, без обмана, без потакания низменным и погромным инстинктам. Не путем захватов и насилий они поведут трудовые массы к социализму, а организуя их, воспитывая в них стремление к труду, самодисциплину, к отрешению от корыстно-эгоистических побуждений, давая им необходимые знания, снабжая навыками к подчинению и управлению. Им будет по пути с теми, кто организует хозяйственную жизнь страны, развивает ее производительные силы, кто поднимает ее культурный уровень, кто насаждает и охраняет политическую и гражданскую свободу. С «агентами» они не пойдут рука об руку...

Близко и другое прозрѣніе: люди, у которыхъ «интернациональ» вытѣснилъ понятіе «родины», не могутъ быть ея поборниками и защитниками. Изъ состава Временнаго Правительства выбылъ министр-соціалистъ Черновъ. Чѣмъ вызвана его отставка? Тѣмъ, что «человѣку безъ родины» не мѣсто въ правительствѣ національной обороны. Пусть многое изъ того, что выдвигается противъ Чернова, послѣ разслѣдованія отпадетъ или откажется менѣе одіознымъ, останется непрекаемымъ: человѣкъ, заподозрѣнный въ отсутствіи патріотизма, долженъ былъ отказаться отъ претензій руководить судьбами страны. «Дѣлу Народа», партійному органу соц.-революціонеровъ, это непонятно: устраненіе отъ власти Чернова, по его мнѣнію, противорѣчитъ требованію коалиціоннаго кабинета. А не противорѣчитъ ли здравому смыслу, что у власти остается человѣкъ, руководитель антипатріотическаго заграничнаго органа «Жизнь» и сотрудникъ такого же изданія «На чужбинѣ», издававшегося и распространявшегося при содѣйствіи германскихъ властей въ лагеряхъ русскихъ военнопленныхъ, соучастникъ конференціи, возглавленной пресловутымъ Робертомъ Гриммомъ, не давно высланнымъ изъ Россіи революціоннымъ правительствомъ за агитацию въ пользу сепаратнаго мира, конференціи, на которой подвизались Ленинъ и Троцкій? Можетъ ли соратникъ Гримма и Ленина распоряжаться судьбами защитниковъ родины?

Переживаемыя несчастія на нашемъ юго-западномъ фронтѣ заставили правительство принять рѣшительныя мѣры. Неповиновеніе преслѣдуется. Митингующія воинскія части направляются къ исполненію своего долга. Во главѣ всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи ставится новый верховный главнокомандующій, генералъ Корниловъ, одинъ изъ героевъ великой войны, энергичный борецъ за водвореніе дисциплины и поднятіе боевой мощи арміи. Это—не соратникъ Лениныхъ и Робертовъ Гриммовъ. Временное Правительство ему ввѣряетъ руководство вооруженными силами, а тѣ, кто претендуетъ на контроль за дѣйствіями временнаго правительства и дѣйствительную роль въ жизни страны, заявляютъ, что для арміи нужна не дисциплина, а «демократизація», и генералъ Корниловъ солдатскою секціей харьковскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ объявляется «врагомъ революціи и предводителемъ темныхъ контр-революціонныхъ силъ». Это—все показатели, гдѣ и въ чемъ надо искать вѣрныхъ путей къ выходу изъ создававшегося положенія.

Выходъ—въ созданіи твердой власти, опирающейся на право. Отвѣтъ Временнаго Правительства на финляндскія стремленія къ отложенію отъ Россіи—ропускъ финляндскаго сейма—былъ чуждъ колебаній и былъ и по существу, и юридически правиленъ и передъ нимъ оказались вынужденными склониться агитирующие элементы. Твердая политика привела къ защитѣ правъ русскаго народа.

Неисчислимыя опасности переживаемаго момента требуютъ отъ революціонной власти рѣшительныхъ мѣръ и энергичныхъ шаговъ.

Въ нашемъ желѣзнодорожномъ транспортѣ—колоссальная разруха. На дняхъ въ московскомъ комитетѣ по снабженію арміи были приведены поразительныя данныя объ отчаянномъ положеніи на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Недогрузъ достигъ 700 тыс. вагоновъ. Количество задержанныхъ и замедленныхъ

вагоновъ возросло вдвое сравнительно съ прошлымъ годомъ. Работа подвижнаго состава упала. Пробѣгъ товарнаго паровоза уменьшился съ 70 верстъ на 50. Число дѣйствующихъ паровозовъ стало меньше на 910; число ихъ въ ремонтѣ увеличилось на 1480; въ текущемъ же году оно достигло въ юнѣ 24,8%. Количество паровозовъ въ ожиданіи ремонта увеличилось вдвое: въ прошломъ году въ юнѣ—300—400 паровозовъ, въ текущемъ году—700. Пробѣгъ товарнаго вагона уменьшился на 24%. Въ ремонтѣ товарныхъ вагоновъ въ текущемъ году больше прошлогодняго на 18 тыс. Таковы цифры. А на желѣзнодорожномъ съѣздѣ—бурная митинговая атмосфера, грозящая, по словамъ газетъ, внести еще большия развалы въ дѣло желѣзнодорожнаго транспорта: разговоры идутъ о захватѣ власти на желѣзныхъ дорогахъ «комитетами служащихъ», слышатся угрозы въ случаѣ неудовлетворенія требованія «демократизаціи желѣзныхъ дорогъ» произвести полный параличъ ихъ... Все дѣло транспорта, столь важное для спасенія Россіи, виситъ и безъ того на волоскѣ, а тутъ еще грозитъ новый взрывъ анархіи и полная разруха. Всякій новый ударъ гибеленъ и смертоносенъ. Необходимо немедленное правительственное вмѣшательство и энергичное регулированіе положенія дѣлъ. Доселѣ «регулированіе» у насъ имѣло одинъ смыслъ—исключительную охрану интересовъ труда. Да, эти интересы должны находить защиту и охрану, но должно охраняться и самое дѣло отъ параличей и разстройства. Этого требуютъ интересы государства, всей народнохозяйственной жизни.

Н. Гордански:

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мы вступили въ четвертую годовщину войны. Нельзя сказать, чтобы въ началѣ четвертаго года международное положеніе было столь благоприятно, какъ это можно было бы ожидать полгода тому назадъ. Военные обозрѣватели отмѣчали, что въ теченіе третьяго года войны Германія и ея союзники довели до максимума напряженіе своихъ силъ. Но безконечно росли и силы державъ согласія, обнаруживая свое медленное, но рѣшительное превосходство надъ германцами. Лѣтняя компанія должна была стать рѣшающей. Мы увѣрены, что она привела бы къ концу войны, если бы не тотъ несчастный сдвигъ, который приняла внезапно русская революція. Рожденная войной, вдохновленная глубоко патріотическимъ порывомъ, она вдругъ поддалась несчастной пропагандѣ интернационализма и германолобія. Результаты—передъ глазами всѣхъ насъ. Мы стоимъ передъ новымъ годомъ войны, конца которой еще не видно. Германія празднуетъ новую побѣду и собираетъ богатую жатву нашихъ бессарабскихъ полей.

Намъ не разъ уже приходилось подчеркивать, что въ умѣнни использовать всѣ возможныя средства борьбы со своими врагами Германія поистинѣ проявляетъ способности прямо удивительныя. Ветупленіе въ четвертую годовщину войны ознаменовалось новымъ шагомъ германцевъ—и не на поляхъ брани, а на поприщѣ ловкой дипломатической игры. Германцы открыто повели ту кампанію къ разьединенію союзниковъ, которую скрыто вели они съ начала русской революціи. Новый германскій канцлеръ 17 іюля

выступилъ съ сенсационными заявленіями, цѣлью которыхъ было разоблачить «империалистическія» и завоевательныя стремленія французскаго народа. Для всякаго разумнаго человѣка ясно, кого имѣютъ въ виду эти заявленія. Если вообще послѣдніе шаги нѣмецкой политики были продуманными ставками на русское простодушіе и на русскую глупость, то «разоблаченія» канцлера обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи особую, чисто нѣмецкую неуклюжую и простоватую хитрость: простякъ хочетъ надуть другого простяка, и вопросъ въ томъ, кто же изъ нихъ окажется глупѣе. Канцлеръ оказался внезапно большимъ другомъ русскаго народа и даже его низшихъ классовъ. Онъ хочетъ открыть ему глаза, хочетъ убѣдить его не «истекать кровью» «ради совершенно необоснованныхъ завоевательныхъ стремленій Франціи». Онъ подчеркиваетъ, что вѣроломнымъ французамъ, въ противоположность великодушной Германской націи, «безразлично, что скажутъ... низшіе классы русскаго населенія». Словомъ, канцлеръ самого империалистическаго и аристократическаго правительства, когда дѣло идетъ о русскихъ, оказывается послѣдовательнымъ пасифистомъ и демократомъ. Какъ же послѣ этого не кричать: да здравствуетъ Германія!..

Въ чемъ же, однако, дѣло? И гдѣ вѣроломность французамъ? По словамъ канцлера оказывается, что у стараго русскаго правительства былъ съ французами договоръ, преслѣдовавшій по отношенію къ Германіи чисто аннексіонистскія цѣли. Именно, Россія не только обѣщала поддерживать французскія притязанія на Эльзась и Лотарингію, но и собиралась помочь французамъ оттянуть часть нѣмецкой территории до Рейна и даже на лѣвомъ берегу его. Такимъ образомъ, Франція преслѣдовала въ этой войнѣ чисто завоевательныя цѣли. Она втянула Россію въ свою завоевательную политику, и, стало быть, правы тѣ, которые говорятъ, что мы русскіе ведемъ войну изъ за гнусныхъ происковъ иностранныхъ «державъ-империалистовъ». Канцлеръ говорилъ какъ будто словами Ленина и интернационалистовъ,—поистинѣ трогательное единеніе германскаго бронированнаго кулака съ международнымъ социализмомъ.

На всякаго, кто былъ въ Западной Европѣ и знакомъ съ условіями жизни западно-европейскихъ странъ, разоблаченіе канцлера не произведетъ ровно никакого впечатлѣнія. Но они рассчитаны на наивную душу русскаго, для котораго западная Европа—за тридевять земель въ тридцатомъ царствѣ. Кто жилъ во Франціи, тотъ знаетъ, какъ вся жизнь этой прекрасной страны была построена на оборонѣ отъ германскаго нашествія. Германскій кулакъ буквально висѣлъ надъ Франціей и надъ ея славнымъ Парижемъ, лежащимъ почти въ ста верстахъ отъ германской границы. Если бы мы, москвичи, жили такъ, что подъ Рязанью стоялъ бы вѣчно сильный и жестокій врагъ, мы иначе строили бы всю жизнь нашу. Были бы невозможны тѣ циничныя фразы, которыя у насъ говорятъ: «всего отечества разгромить все равно нельзя»... Французъ знаетъ, что его отечество можетъ быть все разгромлено и живеть, вѣчно обороняясь. Поэтому *благосостояніе его земли требуетъ, чтобы германская граница стала бы болѣе безопасной и даже была бы отодвинута*. Что удивительнаго, если французы проектировали исправленіе своихъ границъ съ Германіей путемъ посягательствъ на нѣкоторыя части германской территории? Вѣдь это посягательство

было продиктовано постоянной угрозой нѣмецкаго завоеванія. Такимъ образомъ завоевательная политика исходила отъ нѣмцевъ, «завоевательныя» же стремленія французамъ были однимъ изъ способовъ обороны. Если бы врагъ стоялъ подъ Рязанью, мы стремились бы отодвинуть его къ Воронежу—что въ этомъ позорнаго и порочащаго? Но дѣло даже шло не о присоединеніи къ Франціи части нѣмецкой земли, дѣло шло, какъ заявилъ во французской палатѣ Рибо, о созданіи изъ нѣмецкихъ земель самостоятельнаго государства—буфера, которое защищало бы Францію отъ непосредственной нѣмецкой опасности. Въ концѣ концовъ дѣло шло, слѣдовательно, о борьбѣ съ тѣмъ бронированнымъ кулакомъ, который столько лѣтъ висѣлъ надъ Европой, превращая мирныя страны въ военный лагерь.

Но новый германскій канцлеръ использовалъ свои разоблаченія не только съ тѣмъ, чтобы посѣять вражду между Россіей и Франціей. Онъ попытался однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ. Разоблаченія дали ему поводъ отказаться отъ солидарности съ тѣми мирными заявленіями германскаго политическаго блока, о которыхъ мы говорили въ предшествующихъ обзорѣняхъ. По словамъ канцлера, его согласіе съ мирной формулой рейхстага покоилось на предположеніи, что враги Германіи не преслѣдуютъ завоевательныхъ цѣлей. Разъ цѣли эти разоблачены, формула мира отпадаетъ. «Само собою разумѣется»—какъ говорилъ канцлеръ—«что въ своемъ заявленіи о согласіи съ формулой рейхстага я исходилъ изъ предположенія объ отказѣ нашихъ враговъ отъ завоевательныхъ плановъ. Сообщенныя мною вамъ сегодня факты даютъ понять, что наши противники и не помышляютъ о такомъ отказѣ». Такимъ образомъ разоблаченія развязываютъ канцлеру руки. Онъ отнынѣ можетъ вести ту безответственную политику Вильгельма, которую нѣмецкое правительство вело и раньше. Попытка установить въ Германіи парламентаризмъ поистинѣ оказалась блофомъ.

Въ газетахъ справедливо подозрѣвали, что побѣды въ Галиціи нужно считать тѣмъ ближайшимъ поводомъ, которые позволили нѣмецкому правительству снова поднять свою голову. Какъ справедливо кричалъ въ «Утрѣ Россіи» В. Гросманъ, «Русское общественное мнѣніе должно отдать себѣ полный отчетъ въ томъ, что произошло въ моментъ появленія въ Германіи новаго канцлера и дезорганизованнаго отступленія русской армии, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это искусственно вызванное у насъ военное пораженіе будетъ имѣть своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ полное измѣненіе всей политической конъюнктуры въ Германіи и, слѣдовательно, совершенно иную постановку въ послѣдней вопросѣ войны и мира. Собственными руками мы не только вплели новые лавры въ побѣднѣй вѣнокъ генерала Ги денбурга, но и вручили ему полное и неограниченное вліяніе на политическія судьбы страны въ моментъ, когда передъ германскимъ рейхстагомъ окончательно обрисовалась его ближайшая задача: освободить политику страны отъ давленія и тисковъ главной квартиры и выйти, наконецъ, на путь свободнаго политическаго самоопредѣленія, или подчиниться всецѣло и готовиться къ борьбѣ съ режимомъ... послѣ войны».

Вопросъ современнаго международнаго положенія проодлжаетъ занимать и англійскій парламентъ.

Въ связи съ разоблаченіями канцлера Бальфуръ произнесъ рѣчь, являющуюся образцомъ политической осторожности и такта. Какъ будто вся она является живымъ укоромъ нашей кустарной политики, полагающей, что одной удачной формулы достаточно, чтобы разрѣшить великій и вѣковой споръ европейскихъ народовъ. Ссылаясь на рѣчи другихъ членовъ англійскаго кабинета и соглашаясь съ своими коллегами относительно общихъ принциповъ будущаго мира, Бальфуръ сказалъ:

«Само собой разумѣется однако, что способъ приложенія основныхъ принциповъ находился въ зависимости отъ безчисленнаго ряда сложныхъ обстоятельствъ, завиствшихъ отъ того, что происходило въ союзныхъ странахъ, отъ того что происходило въ непріятельскихъ странахъ, отъ превратностей военнаго счастья и отъ измѣненія въ военно-морскомъ положеніи всего мира.

Какъ же возможно уже теперь входить въ подробности и предвосхищать работу, которую предстоитъ исполнить мирной конференціи по окончаніи войны. Всякое заявленіе отвѣтственнаго министра разсматривается какъ своего рода обязательство, опредѣляющее точно и подробно образъ дѣйствій правительства, когда наступитъ моментъ окончательнаго сведенія счетовъ. Поэтому выступать съ такого рода заявленіями весьма опасно. О проблемахъ этого рода невозможно говорить съ такой же безпристрастной точностью, какъ объ историческихъ проблемахъ прошлаго. Никто не можетъ предвидѣть условий, въ которыхъ окажется міръ въ моментъ, когда придется рѣшать эти проблемы. Какъ же вы можете требовать, чтобы я рисковалъ высказаться въ подробностяхъ о такомъ вопросѣ огромной важности. Тотъ изъ насъ, кто рѣшился бы сдѣлать это, оказалъ бы весьма плохую услугу своей странѣ».

Выразимъ пожеланіе, чтобы слова эти стали лозунгомъ будущей русской международной политики. Чтобы заключить хорошій миръ, для этого недостаточно хорошихъ формулъ. Для этого нужны благоприятное положеніе и благоприятная военная обстановка. Поэтому нужно дѣйствовать такъ, чтобы создать это благоприятное положеніе ко времени заключенія мира. Если оно создастся, наши принципы выиграютъ, если нѣтъ, всѣ наши хорошія слова останутся словами.

Н. Н.

ХРОНИКА ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ. ЛИГА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Въ Петроградѣ недавно возникла Лига русской культуры учредителями которой являются: М. В. Родзянко, Андрей епископъ Уфимскій, А. В. Карташевъ, П. Б. Струве, В. А. Маклаковъ, Н. В. Савичъ, С. О. Ольденбургъ, С. О. Платоновъ, С. Л.

Франкъ, от. Ф. Д. Филоненко, Е. П. Ковалевскій, В. Н. Муравьевъ, С. А. Котляревскій, А. Ф. Зайцевъ, А. С. Изгоевъ, В. М. Латкинъ, Б. А. Никольскій, С. Н. Булгаковъ, Н. Н. Львовъ, графиня В. Н. Бобринская и Н. А. Бердяевъ. Лига русской культуры ставитъ своей задачей объединеніе усилий направленныхъ на развитіе и укрѣпленіе національной русской культуры какъ на всемъ пространствѣ русской державы, такъ и за ея предѣлами, а также духовную и матеріальную поддержку очаговъ русской культуры на чужбинѣ. Будучи объединеніемъ не политическимъ и не классовымъ, лига принимаетъ въ члены всѣхъ лицъ, стремящихся къ осуществленію указанной цѣли. Общая задача лиги русской культуры— развитіе и укрѣпленіе русской культуры и русскаго національнаго сознанія, какъ культурной силы. Особенностью лиги является такая постановка цѣли, при которой чисто культурная проблема национальности впервые отчетливо отдѣляется отъ политическихъ требованій и программъ; независимо отъ нихъ ставится вопросъ о развитіи и укрѣпленіи національной стихіи. Никакая национальная культура не можетъ быть связана съ какими-либо опредѣленными политическими формами и теченіями. Она стоитъ надъ ними и должна въ извѣстномъ смыслѣ ихъ всѣхъ подчинить себѣ. Задача развитія національной культуры— просвѣтительная въ широкомъ смыслѣ, и для ея осуществленія должны быть использованы всѣ живыя силы и всѣ реальныя факторы нации. Поэтому политическая вѣрность является характеристическимъ признакомъ такого объединенія. «Сейчасъ, въ эти грозные дни,—пишутъ учредители лиги въ обращеніи къ русскимъ гражданамъ,—когда колеблются самыя основы нашего національнаго и государственнаго бытія, когда можетъ распасться единство народное и не устоять цѣлость государства, когда душа народа смятена и теряетъ связь со своимъ национальнымъ прошлымъ, какъ будто сникли тѣ духовныя силы и замолкли тѣ герои, которые творили русскую историю. Но вѣримъ—это только мимолетное наводненіе, которое скоро исчезнетъ. Къ этому моменту крушенія лукавыхъ соблазновъ, омрачившихъ душу русскаго народа и несущихъ ему великія матеріальныя испытанія и бѣды, намъ слѣдуетъ быть готовыми. Мы, лица различныхъ политическихъ направленій, профессій и поколѣній, призываемъ всѣхъ сознательныхъ гражданъ сплотиться въ широкую «Лигу русской культуры». Задача этой лиги—начать въ освобожденной Россіи, среди великаго разброда и распада, въ единеніи съ пробужденнымъ и отрезвленнымъ народомъ созидательную работу укрѣпленія русской культуры и государственности въ ихъ неподдѣльной благородно-национальной формѣ, предудказанной всей нашей исторіей».

ИНСТРУКТОРСКІЕ КУРСЫ.

Временный комитетъ Государственной Думы и соединенное лекціонное бюро Общества младшихъ преподавателей московскаго университета, Общества народныхъ университетовъ, Общества политическаго просвѣщенія, Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и другихъ научныхъ корпорацій и просвѣтительныхъ Обществъ въ Москвѣ для лицъ, желающихъ помочь армии въ дѣлѣ просвѣщенія и чувствующихъ себя не вполне подготовленными, устраиваютъ краткіе (съ 5-го по 19-е августа въ зданіи университета аудит. Зоологическаго музея, ходъ съ Никитской) инструкторскіе курсы. На курсахъ читаютъ: проф. Н. Н. Алексѣевъ, проф. Р. Ю. Випперъ, прив.-доц. В. А. Голгофскій, А. М. Гурвичъ, С. А. Дмитріевъ, адъюнктъ-проф. Д. Н. Иванцовъ, прив.-доц. З. С. Каценеленбаумъ, прив.-доц. Ю. В. Ключниковъ, прив.-доц. В. И. Погосскій, П. Ф. Преображенскій и Ю. Н. Семеновъ. Записи на курсы и справки въ соединенномъ лекціонномъ Бюро ежедневн. отъ 10—3 дня (Страстной бульв., 5, гимназія Потоцкой.

Б. С.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія при Временномъ Комитетѣ Государственной Думы.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.